

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Галина РОМАНОВА

ПЯТАЯ ПЕЧАТЬ.
ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Галина Львовна Романова
Пятая Печать. Дом с привидениями
Серия «Пятая Печать», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10864342

Пятая Печать. Дом с привидениями: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015

ISBN 978-5-9922-2020-9

Аннотация

Для одних стать ведьмой – недостижимая мечта, для других – страшная сказка. Для Анны Сильвяните это – жизнь. Потеряв родителей, она обретает Знание, Силу и Тайну. Тайну старого дома, которую ей предстоит разгадать. Но ни сама Анна, ни ведьмы, толкающие ее на этот шаг, ни новые друзья и подруги не ведают, с чем на самом деле ей придется столкнуться. Не знает этого и молодой ведьмак Юлиан Дич, приехавший в Дебричев с инспекцией. Но ни он, ни Анна не смогут остановиться на полдороге. Это – их путь, их общая Тайна.

Содержание

Вместо пролога	4
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Галина Романова

Пятая Печать. Дом с привидениями

Вместо пролога

Было темно. Огонек свечи только подчеркивал ночную тьму да плодил по углам жуткие тени. Но двум девочкам, устроившимся на одной постели под общим одеялом, все было нипочем. Горит свеча, рядом на лавке нянька прядет свою пряжу, так отчего бы не поболтать с двоюродной сестрой, приехавшей издалека погостить.

У сестры чудное имя – Амалия, и сама она чудная – всему верит. Ну, еще бы! В ее городе таких чудес не бывает.

– А еще, – одна сестра обняла другую за шею, – есть у нас тут Мертвый Дом...

– Чего? Какой – мертвый?

– А вот такой. Мертвый, и все. Туда не всякому дорога есть, а только самому смелому. Он в низине стоит, за околицей.

– А почему его мертвым зовут? Там не живет никто?

– Конечно, не живет! Все же умерли! Там жила большая семья – отец, мать, семеро детей, бабушка старенькая... А потом однажды зимой постучался к ним незнакомец. Погода была плохая, снег, метель, холодно...

– Что такое «метель»? – тут же переспросила Амалия.

Сестра прыснула со смеху, а потом вспомнила, что та живет на юге, у Русского моря, где морозов, метелей и снежных буранов не бывает.

– Это когда снег не с неба спокойно падает, а ветер его несет. С ног сбивает, не видно ничего... В общем, на улицу лучше не выходить... В общем, они незнакомого человека пожалели и впустили, чтоб отдохнул и обогрелся. А потом они все умерли.

– Кто?

– Ну все, кто в доме жил. Утром пошли его будить. Послали младшего сына – он ушел и не вернулся. Послали другого – он тоже не вернулся. Послали третьего... Короче говоря, все семеро ушли и не вернулись. Потом мать пошла... За нею – отец. И всё. А бабушка сама умерла – она старенькая была, за ней надо было ухаживать, а ухаживать некому. И тот человек пропал. А сокровище осталось.

– Какое сокровище?

– Ну то, которое он принес. Оно там до сих пор лежит.

– Ух ты! – Амалия придвинулась ближе. – В самом деле?

Нянька резко выпрямилась, бросив руки на колени.

– Да не слушайте вы ее, барышня! – воскликнула она. – Нет никакого мертвого дома! Сказки все это! Дети малые в них верят, а больше никто! А вам, Леокардия Львовна, совестно должно быть за такие речи. Вы уже почти взрослые, в гимназии учитесь, а такие глупости болтаете! Вот, смотрите, пожалуйюсь мамаше-то!

– Замолчи, Дунька! – прикрикнула Леокардия. – Не твоего ума дело! Лучше сходи и принеси клюквенного морсу!

Нянька вздохнула, встала с лавки и пошла прочь, бормоча что-то себе под нос.

– Не обращай на нее внимания. – Одна девочка придвинулась ближе к другой. – Это она нарочно говорит. Тянька ее за Ваську-конюха замуж не отдал, мол, от меня забирать неохота, вот она и злится. А Мертвый Дом есть. Я издалека видала, да одной боязно было подходить. Если не забоишься, с тобой вместе ходим. Только, чур, Дуньке ни слова!

Амалия кивнула.

А два дня спустя случилась беда: пошли девочки гулять и к обеду не вернулись. Дуньку, няньку, насмерть запороли – всё пытались правды от нее добиться, куда хозяйскую дочку с ее двоюродной сестрой девала. Та, пока говорить могла, все про Мертвый Дом твердила, да ей не поверили – думали, нарочно врет, чтоб отстали. Потом, конечно, по округе искали, все овраги, все берега реки Дебрянки проверили, а следов двух девочек так и не нашли.

Прошло несколько лет...

Глава 1

Манерно отставив мизинчик, старая дама пила свой вечерний кофий. Тикали ходики на стене. Только что пробило десять часов. В просторной кухне царил полумрак, разгоняемый лишь свечой на столе. За окном шумел под ветром старый сад, сухая ветка постукивала в ставень. Дерево опять хотело о чем-то попросить. И не надоело ему? Каждый раз при перемене погоды ноет, как застарелый ревматизм.

Тихо скрипнула дверь. От порыва сквозняка дрогнуло пламя свечи. Послышались мягкие тихие шаги.

– Ты опять? – Старая дама отхлебнула кофию. На самом деле она была не такой уж старой и предпочитала, чтобы ее называли пожилой. Что такое, в конце концов, для женщины шестьдесят шесть лет?

Шаги остановились рядом с ее стулом. Она не повернула головы.

– Чего пришел? Скучно?

В ответ раздался тяжелый вздох. Пламя свечи дрогнуло опять.

– Молчишь? Ну молчи-молчи...

Тонко скрипнули половицы, когда за спиной переступили с ноги на ногу. Пожилая дама не повернула головы.

– Скучно. – Она сделала еще один глоток, последний. Внимательно посмотрела на дно на собравшуюся внизу гущу. На несколько секунд прикрыла чашку ладонью, сосредоточилась – и резко перевернула ее на блюдце.

Опять скрипнули половицы.

– Погоди. Раз... два...

На счет «три» пожилая дама резко подняла чашку, всмотрелась в разводы кофейной гущи. Большая часть гущи вылилась на блюдце и растеклась разводами и линиями – у гадальницы было бурное прошлое. На стенках и дне чашки осталось не так уж много, и это заставило ее нахмуриться. Да, она не девочка, но зачем так явно намекать на то, что жизнь коротка?

– Ну-ка, ну-ка. – Она повертела чашку, рассматривая символы и линии. – Все не так уж плохо. Волна, корова, лягушка у дороги и венки – удачное путешествие приведет к нам в дом гостя... Слышишь? Гостя!

В ответ раздался тихий вздох.

– Так, – пожилая дама продолжала вертеть чашку, – что это у нас? Петух и звезда? Желанное известие переменит ситуацию в мою пользу? И бабочка рядом... Одно к одному! Давно такого не было. Пожалуй, надо сообщить сестрам. Или не стоит? Как считаешь? Опять Виктория захочет всю славу забрать себе?

Ответом снова был вздох. Прерывистый, тоскливый.

– Не вздыхай! Ты же знаешь, как я этого не люблю! – Пожилая дама решительно поставила чашку на стол. – Пора собираться. Еще будет время обо всем подумать...

Бормоча себе под нос, она вышла из кухни. Забытая свеча погасла сама собой, но перед этим пламя ее взметнулось вверх, ярко осветив доньшко чашки и проступившие там символы – ворон и весы, знак беды и неудачи. Но, прежде чем мрак окутал кухню, чья-то рука плеснула в чашку несколько капель воды, смывая знаки.

За окном послышался тихий свист – мимо пронеслось что-то большое. И снова наступила тишина, нарушаемая только тиканьем ходиков и чьими-то неторопливыми тяжелыми шагами.

Вздрыгнув, девочка проснулась, но продолжала лежать неподвижно, затаив дыхание и притворяясь спящей. В душе жила смутная надежда, что, если она будет лежать тихо-тихо, ее не заметят. Ведь чудовища, живущие под кроватью, только и ждут, чтобы схватить кого-нибудь за ногу – и съесть. Мама над нею все смеялась – мол, такая большая, двенадцать лет уже, а все веришь в эти глупости! Но девочка знала, чувствовала, что это не так – только не знала, как объяснить это своей маме.

Не открывая глаз, девочка прислушалась, пытаясь понять, что ее разбудило. Голоса? Ну да. Из комнаты родителей доносятся приглушенные возгласы. Разговаривают двое... Нет, кажется, три человека. Девочка различила высокий нервный голос матери. Всегда чем-то взволнованная, нервно-восторженная («Смотри, Анна Рита, ну разве не чудо? Первая бабочка в этом году!»), сейчас она была так спокойна, что дочка даже сначала не узнала свою мать. Женщина говорила коротко, тихо, уверенно. Она успокаивала, увещевала, смиренно о чем-то просила. Девочка никогда прежде не слышала, чтобы у матери был такой ровный голос, и это ее напугало. Сердце застучало громче, грохотом отдавая в виски. Сквозь шум крови в ушах девочка не разбирала и половины слов. Слышала и узнавала только часто повторяющееся: «Успокойся!»

А вот отец – обычно сдержанный, рассудительный, почти никогда не смеявшийся и удивительно спокойный – на сей раз явно был взволнован. Голос его то и дело поднимался до истерических ноток, и девочка сообразила, что ее разбудило – возглас, почти крик отца: «Не надо!» И ответ матери – сухой, сдержанный, деловой: «Успокойся!»

Родители о чем-то спорили с... кем-то третьим. И этот третий почему-то представлялся девочке очень большим, тяжелым. Фантазия живо нарисовала существо размером со слона, которое каким-то чудом поместилось в родительской спальне, нависая над кроватью. Темно-серая тень, сгусток странной плоти на фоне ночной темноты. Существо разговаривало низким мягким голосом. Ни одного его слова девочка, как ни старалась, не могла разобрать. Но не сомневалась, что он – или оно? – сообщило ее родителям нечто такое, от чего отец здорово разволновался, а мать, наоборот, как будто оцепенела. Что же там происходит? И кто этот ночной гость?

Самым простым было встать и, подобравшись к спальне родителей, заглянуть в щелочку, но девочка была так напугана (а монстры, которые живут под детскими кроватками, по ночам так голодны!), что она даже не подумала высунуть из-под одеяла нос. Напротив, укрылась с головой, чтобы ее не сразу нашли, и лежала так долго, очень долго, пока от духоты не закружилась голова.

Тогда она тихо высунула наружу сперва только нос, вдыхая прохладный ночной воздух, а потом выставила и макушку. Но глаз открывать не спешила – подкроватные монстры очень коварны, они могут догадаться, если ребенок откроет глаза.

В доме царила тишина. Голоса родителей и того существа стихли. Как будто ей все приснилось – и испуг отца, и странное спокойствие матери, и... И кто был там, в их спальне?

Девочка задумалась, пытаясь вспомнить и представить себе ночного посетителя. Кто бы это мог быть? Может, под кроватями взрослых тоже живут свои монстры и один такой как раз вылез среди ночи? И папа испугался, как маленький мальчик, а мама, наоборот, пыталась его утешить, как... как мама конечно же!

Пытаясь представить себе, что за существо напугало папу, девочка неожиданно сообразила, что знает, о ком идет речь.

Это был *он*.

Он был чем-то вроде семейной тайны, которую тщательно берегут даже от родственников и тем более скрывают от соседей и прислуги. О нем почти не говорили – во всяком случае, открыто в присутствии ребенка. Но девочка догадывалась, что папа и мама что-то от нее скрывают – слишком веселой была ее мать, слишком спокойным, даже каким-то рав-

нодушным – ее отец. Ни одна няня в их доме не задерживалась – все уходили через несколько недель. Последняя как ни в чем не бывало дождалась, пока родители придут домой, чтобы сдать им подопечную, и заявила: «Я больше не буду работать в доме, где происходят такие странные вещи!» А когда мама начала расспрашивать, что она имеет в виду, няня ответила: «Вы сами это прекрасно знаете! Незачем повторять!» Именно поэтому девочку в конце концов и отдали в гимназию, не настаивая на домашнем обучении, – пусть хотя бы не весь день сидит одна, заодно получает образование. Горничные в их доме тоже менялись чуть ли не каждый месяц, и лишь старый отцовский лакей Парфен оставался при семье. Он говорил, что слишком стар для того, чтобы чего-то бояться.

Девочка тогда впервые крепко задумалась – и действительно, вспомнила все странные совпадения, все необъяснимые мелочи вроде внезапно появлявшихся и исчезающих вещей и подозрительных писем. Они приходили сами. Их не доставлял почтальон – просто время от времени на полу у входа оказывался белый конверт без имени и адреса. Мама быстро читала письма – коротенькие, из нескольких строчек, – а потом жгла их в пламени свечи и шла мыть после этого руки. Папа спрашивал: «Опять?» И она в ответ восклицала: «Ну а как ты думаешь?» И много чего еще...

Первые несколько лет, пока не родилась дочка, родители много раз переезжали, но, когда появился ребенок, перестали мотаться с места на место. «Нельзя все время ездить! – говорила мать. – Однажды надо остановиться».

А через несколько дней после ухода няни предоставленная самой себе девочка случайно подслушала разговор родителей. Они спорили о ком-то, называя его – *он*. Как обычно, мама говорила много, эмоционально, ходила по комнате, вскрикивала, а папа отвечал ей односложно: «Да», «Нет» либо «Может быть». Девочка поняла, что родители ждут *его* уже давно, но надеются, что *он* никогда не придет. Что *он* постоянно где-то рядом и что можно, конечно, снова переехать, но тогда придется переезжать постоянно, а бегство – это не выход, тем более от этого дома. Надо подумать о дочери, о том, что ей придется бросать занятия в гимназии, которую и так нашли в провинции с превеликим трудом, а на домашнее обучение нет средств. Все равно *он* рано или поздно настигнет, причем в самый неподходящий момент, и тогда... Лучше оставить все как есть и попытаться подготовиться к встрече.

Девочка пробовала расспрашивать маму, но та, готовая часами разговаривать на любые другие темы, на этот раз онемела, хлопая глазами. Страх мелькнул в ее глазах, она встрепенулась, готовая то ли бежать, то ли прятаться, судорожно стиснула руки...

– Ты откуда это взяла? – поинтересовалась она, когда смогла успокоиться.

– Услышала. Вы громко говорили, а я...

Девочка осеклась и вскрикнула – мать впервые в жизни ударила ее по губам.

– Не смей! – прошипела она дочери. – Никогда не смей подслушивать! Однажды это может кончиться для тебя очень плохо!

Напуганная девочка пообещала больше никогда никого не подслушивать, но раз или два все равно ей случалось уловить обрывки разговоров родителей. Они возвращались к этой теме, когда думали, что дочка уже спит:

– Может быть, пора ей рассказать?

– Нет.

– Но девочка должна знать. Она достаточно взрослая, чтобы смотреть в лицо...

– Нет, Альберт! Нет!

– Это могло бы ей помочь...

– В чем? Это наша жизнь, а не ее. Если уж на то пошло, то это *моя* жизнь! Я вас в нее не звала! И ты и Анна Рита пришли в нее сами! И решать только мне!

– Но если *он* снова...

– Нет! Не хочу ничего слышать! Замолчи! Не хватало еще, чтобы она услышала лишнее!

– Рано или поздно ей придется услышать.

– Лучше поздно, чем рано! А лучше – вообще никогда.

– Но, милая...

– Это моя проблема, Альберт! Только моя! И если *он* сюда явится, у меня найдется, чем ему ответить!

В конце концов девочка поняла, что таинственный *он* как-то связан с прошлым ее мамы. Мама рассталась с ним до того, как встретила папу и вышла замуж. Таинственный *он* маму не простил, и теперь неизвестно, что задумал. Ей – и родителям – оставалось только ждать...

И вот теперь *он* пришел. Пришел неожиданно, под покровом темноты, огромный, как слон, и такой же тяжелый, но в то же время мягкий и пушистый. И до полусмерти напугал вечно спокойного папу и странным образом успокоил вечно нервную маму. Девочка поняла, почему так произошло. Мама столько лет волновалась, ожидая его прихода, столько из-за этого нервничала – а теперь *он* пришел, и волноваться стало незачем. Ведь все уже случилось. Это как у зубного врача в кабинете: ты мучаешься с больным зубом, потом приходишь, садишься в кресло. Доктор осматривает твой рот, потом берет жуткого вида щипцы – становится еще страшнее, так страшно, что даже боль немного отступает! Он дергает зуб – больно ужасно! – а потом все заканчивается. На месте больного зуба дырка, остается прополоскать рот и успокоиться. Боль прошла и никогда не вернется. И мама сейчас словно вышла из кабинета зубного врача, все еще держась за щеку, но уверенная, что самое страшное – позади. Но почему нервничал папа? Может, он просто испугался его? Интересно, как *он* выглядит? Если огромный и пушистый, стало быть, не человек? А кто?

И только девочка так подумала, как за дверью послышались тихие шаги. Кто-то большой и тяжелый, как слон, медленно и плавно переступал с ноги на ногу. Казалось, шаги гулко отдавались во всем доме – от пола до потолочных балок. И девочка, у которой было нормальное детское воображение, почему-то подумала, что так мог шагать весь их дом.

Она затаила дыхание, сжавшись под одеялом в комочек и высунув наружу только самый кончик носа. Глаза были плотно зажмурены – до красных и зеленых пятен под веками. Двумя руками она вцепилась в край одеяла – удержаться, если будут стаскивать. От страха сдавило горло, в висках сильнее застучала кровь. Она стиснула зубы, чтобы не кричать. Монстры под кроватью, а теперь еще и это... И мама с папой далеко. Нет, они рядом, их спальня в том конце коридора, но крикнуть и позвать на помощь нет сил. И страшно кричать – вдруг *он* услышит? Значит, девочка осталась одна на целом свете. И даже старый Парфен тут не поможет. Что сделает старый лакей чудовищу на мягких слоновьих ногах?

Тяжелые шаги медленно, слишком медленно приблизились. Потом стали удаляться. *Он* ходил по дому. Прошел еще раз по коридору, заглянул в одну комнату, потом в другую – было слышно, как *он* переступает порог и топчется там, внутри, – после спустился на первый этаж, долго топал в кухне и прихожей. Почему его не слышат ни Парфен, ни новая горничная Стеша? Ну Парфен старый, спит крепко, да еще если выпьет малость, но Стеша-то!.. Ведь *он* там топчет прямо у людской!

Затем опять заскрипели ступени – *он* поднимался вверх. Дошел до ее двери. Остановился. В какой-то миг девочка подумала, что сейчас *он* переступит порог и войдет. Ее дверь не запиралась – достаточно было толкнуть ее и... А чем толкнуть? А что, если у него нет рук?

Воображение тут же нарисовало странное существо с двумя толстыми ногами, без рук, с головой, растущей прямо из плеч, с двумя горящими в темноте глазами и с длинным хоботом, заканчивающимся почему-то несколькими гибкими червеобразными отростками,

покрытое густой шерстью грязно-рыжего цвета. И больше – ничего. Ни рта, ни ушей, ни хвоста. Чем оно разговаривало? Неизвестно.

Существо некоторое время простояло за дверью. Не было слышно шагов, оно – *он!* – не переминалось с ноги на ногу. Но девочка была уверена, что ночной гость все еще там. Горят круглые глаза, чуть подрагивает длинный хобот. *Он* чего-то ждет. Какого-то слова? Знака?

Девочка лежала неподвижно, боясь шевельнуться, боясь вздохнуть, боясь выдать себя. Удушье и страх навалились на нее, как две пуховые перины. Она терпела, стиснув зубы, и внезапно почувствовала, что осталась одна. Кто бы там ни был, *он* ушел, исчез, отступил. В доме было тихо. Слишком тихо. Подозрительно тихо, словно не осталось ни одной живой души. Но девочка не задумывалась об этом. Она так обрадовалась исчезновению ночного гостя, что почти сразу уснула.

И ей приснился слон. Обычный серый слон в цветной попоне, как в бродячем цирке, который проходил через их городок прошлым летом и задержался для единственного представления. Вот только этот слон не танцевал под музыку и не кидал хоботом мячи, а просто стоял и смотрел, переминаясь с ноги на ногу.

Три пожилые дамы сидели на скамейке в парке.

Парк на окраине города был молодым. Еще несколько лет назад тут была роща, принадлежавшая одной помещице. Скончавшись в богадельне, старушка завещала городу свой особняк в центре и эту рощу на окраине. Отцы города скинулись кто сколько может и сделали из рощи городской парк: разметили дорожки для прогулок, вырубili старые больные деревья и заросли кустарника. Личный архитектор городского головы генерала в отставке господина Вышезванского разбил лужайки, украсил дорожки декоративными кустами, почистил пруд и устроил целый каскад из ручьев. Сделали новые мостки на берегу пруда и устроили там лодочную станцию, где каждый мог взять напрокат лодку и летом прокатиться по тихой глади пруда, любуясь на растущие вокруг ивы. Даже закупили несколько статуй, которые расставили на клумбах. Хотели так же оборудовать фонтан, как в столичном Веселом парке, но денег не хватило.

Но все же часть парка так и оставалась запущенной, и здесь на старой скамейке, которая чудом избежала починки и покраски, сидели три пожилые дамы.

Собственно, в этом еще не было ничего необычного – нет закона, запрещающего пожилым дамам сидеть на скамейке в парке, – но дело было поздней ночью. Час тому назад сторож запер ворота парка. Он не тратил время на совершение обхода – с полудня задувал холодный ветер, пару раз принимался накрапывать мелкий дождик. Посетители убрались из парка, не дожидаясь вечера, и никто не видел трех пожилых дам, сидевших на скамейке.

Собственно, пожилыми их можно было назвать весьма условно – двум из них на вид было лет около сорока – пятидесяти, и лишь одной было чуть за шестьдесят. Они долго сидели и смотрели сквозь ветки кустарника на рябую от ветра поверхность пруда. Все трое прекрасно видели в темноте и не нуждались ни в фонарях, ни в луне и звездах.

– Она заставляет себя ждать, – негромко произнесла самая молодая, пышнотелая, довольно небрежно, как-то по-деревенски одетая рыжеволосая женщина. – Как всегда!

– Что поделать, – вздохнула ее соседка. – До полуночи еще есть время.

– Совсем немного, – продолжала рыжая, запрокинув голову, словно что-то могла рассмотреть в разрывах туч. – Не более полчаса.

– Мы ждем совсем недолго, – откликнулась третья. Она сидела удивительно прямо, двумя руками держась за трость, и, пожалуй, единственная из всех имела право именоваться старухой. – Имейте терпение!

Резко, словно сквозь них продирался кто-то большой и тяжелый, зашумели ветки деревьев у них над головами. Потом что-то упало на траву с ближайшего дерева, и почти сразу послышался голос:

– Перемываете косточки?

Три дамы вздрогнули и обернулись – возле дерева стояла довольно-таки богато одетая молодящаяся брюнетка с вуалью вдовы на шляпке.

– Сестра Виктория, вы, как всегда, точны! – промолвила старшая из трех дам, поджав губы.

– В отличие от вас у меня есть в городе дела, – откликнулась та, обогнула скамейку и уселась на край. – Что случилось?

Дамы переглянулись. У их знакомой Виктории имелась небольшая лавочка, где та торговала кустарными сувенирами и настойками собственного изготовления. Два городских аптекаря недолюбливали ее, но поделаться ничего не могли. Лавочку давно бы уже прикрыли, если бы не супруга городского головы, его высокоблагородия господина Вышезванского, которая утверждала, что ей от мигреней помогают только капли матушки Виктории.

– Что случилось? – повторила она.

Дамы переглянулись, словно застигнутые на месте преступления.

– Моя племянница, – наконец выдавила старая дама с тростью и как-то сразу съежилась под взглядом Виктории.

– Та самая?

– Да.

– Что с нею?

– Ничего. Пока ничего. Но я получила знак. И завтра на рассвете выезжаю к ней.

– Почему? Она собирается вернуться?

– Не знаю. Но моя поездка к ней будет очень удачна. Я собираюсь вернуться не одна! – И она гордо выпятила подбородок.

– Елена возвращается? – встрепнулись остальные слушательницы. – Как? Почему ты нам ничего не сказала, сестра Маргарита? Вот так сюрприз! – посыпались восклицания со всех сторон.

– Я хотела сохранить все в тайне, – поджала губы та, которую называли сестрой Маргаритой. – Кроме того, знаки, полученные мною, нельзя толковать однозначно. Но, как бы то ни было, мы можем снова надеяться.

– А я сообщу куда следует, – решительно сообщила Виктория.

Три дамы вздохнули, но ничего не сказали – в подобных делах последнее слово всегда оставалось за нею. И останется таковым еще долго.

Где-то в парке заухала сова. Ей ответила другая. Испуганно заорали сонные вороны, захлопали крыльями в ветвях огромных тополей. Дамы с тревогой огляделись по сторонам, а потом одна за другой поднялись со скамейки и, коротко попрощавшись, отправились по дорожкам в разные стороны. Задержалась только Виктория. Она поднялась последняя, не спеша обошла скамейку и, подойдя к ближайшему дереву, с удивительным для ее возраста и сложения проворством полезла наверх. Не прошло и минуты, как она скрылась в кроне.

Налетел ветер. В его вихре что-то большое пролетело над парком и скрылось вдали.

Утром девочка проснулась поздно. Обычно ее будила мама – наклонялась, гладила по голове, целовала в щеку и говорила что-нибудь ласковое. Например: «Доброе утро, малышка! Открывай глазки! Пора собираться на занятия!» А сегодня утром мама не пришла.

Девочка встала, сунула ноги в домашние туфли, прислушалась. В доме кто-то был, и она сначала обрадовалась: раз есть люди, значит, все идет, как обычно и *он* только приснился. За стеной в противоположном конце коридора слышались шаги, голоса. Всхлипы-

вала и приглушенно причитала какая-то женщина. Наверное, кухарка, сообразила девочка. Она жила во флигеле и ночевать уходила к себе, но приходила на рассвете и вместе со Стешей хлопотала по хозяйству, иногда приводя и своего чуть придурковатого, но очень сильного сына – если старику Парфену требовалась помощь. Да, наверное, это она. Но почему она... плачет? И почему ей отвечают чужие голоса? А где папа и мама?

Девочка распахнула дверь.

В противоположном конце коридора возле спальни ее родителей толпились незнакомые люди – все в мундирах и сюртуках. Дверь в комнату была распахнута. На пороге всхлипывающая кухарка что-то рассказывала незнакомому человеку в синей форме городского.

– Мавра Игнатьевна? – позвала девочка. – А что слу...

Слова замерли у нее на губах – кухарка глухо вскрикнула и бросилась к ней. Обняла большими мягкими руками, прижала к переднику и зарыдала в голос.

– Бедная ты моя, несчастная, – слышалось сквозь рыдания.

Девочке стало страшно. Защищало в носу, горло перехватило.

– Мама? Где мама?

Мавра Игнатьевна запричитала громче.

– Позвольте, – городской оказался рядом, – ты кто? Дочка? Как тебя зовут?

Девочка взглянула в пронзительные глаза чужого человека.

– Анна, – тихо прошептала она. – Анна Рита...

Папе не нравилось такое имя. «Либо Анна, либо Маргарита! – говорил он. – И никак иначе!» Но мама настояла на своем. Тем более что ее фамилия была самой для этого подходящей – Сильвините.

– Это дочка... их, – всхлипнула кухарка.

– Понятно, – протянул городской. – Скажи, ты ночью что-нибудь слышала?

– Слышала, – кивнула она.

– А что? – Мужчина подобрался, достал откуда-то блокнот и карандаш, приготовившись записывать. – Расскажи.

– Я слышала, – Анна Рита посмотрела на соседку, потом попыталась из-за спин взрослых увидеть, что происходит возле спальни родителей, – голоса. И шаги. По дому кто-то ходил.

– Чьи голоса?

– Мамы, папы и... – Она осеклась, не зная, стоит ли говорить про *него*. – Не знаю.

– Незнакомый голос?

– Да.

– Мужской или женский?

– Не знаю. – Девочка ни разу не задумалась над этим и впервые растерялась, отвечая на вопросы. – Слишком тихо говорили. Я не знаю, о чем...

Мавра Игнатьевна всхлипывала и время от времени что-то шептала прерывистым дрожащим шепотом.

– А кто ходил?

– Не знаю. Я лежала тихо-тихо...

– И в комнату к тебе никто не заходил?

Анна Рита помотала головой.

– И ты сама не выглядывала и ничего не видела?

– Нет. Я... испугалась.

– Хорошо. – Городской выпрямился, убрал блокнот, в который записал всего одно или два слова, и неловко погладил девочку по голове, кивнув кухарке. – Можете отвести ее на кухню и накормить. А ты, – он задержал ладонь на растрепанных со сна волосах девочки, – если что-то вспомнишь, обязательно расскажи.

Женщина взяла девочку за руку, но Анна Рита вырвалась:

– Я хочу знать, что случилось с мамой и папой!

Мавра Игнатьевна посмотрела на городского и вдруг тоненько завывала, кусая платок. Это было жутко. Так жутко, что Анна Рита молнией сорвалась с места и кинулась бежать в распахнутые двери спальни родителей.

Закричали взрослые: «Ребенок! Держите! Не пускайте!» Но девочка ловко увернулась от пытавшихся задержать ее рук, проскочила у кого-то под боком, кого-то отпихнула, врезавшись в живот, у кого-то еще протиснулась между ног – и замерла.

Мама лежала на постели, закрыв лицо рукой, словно не хотела видеть чего-то ужасного. Из-под локтя был виден только разинутый рот. Вторая рука тянулась к горлу – скрюченные пальцы вцепились в ночную рубашку у самого ворота. Папа скорчился на полу лицом вниз. Одна рука протянута к постели, другой он тоже, судя по всему, держался за горло или грудь. Все это Анна Рита увидела в единый миг и запомнила в мельчайших подробностях: скомканное одеяло, слетевшие с ног папы ночные туфли, рассыпавшиеся из-под чепца волосы матери – огненно-рыжие, сейчас они разметались по подушке, и казалось, будто голова мамы в огне.

А потом ее схватили за локти и потащили вон. Оцепеневшая от изумления девочка не сопротивлялась.

Она не плакала. Слезы были где-то там, внутри. Они рвались наружу вместе с испуганными воплями и визгом, но Анна Рита молчала. Несколько недель назад был день ее рождения. Ей исполнилось двенадцать лет. Мама подарила ей книгу сказок и плюшевого медведя. Нелепого, в криво сшитой курточке, которую никак не получалось застегнуть на все пуговицы. Медведь продавался в магазине под вывеской «Уцененные товары», и мама купила его, подчиняясь какому-то порыву. Купила и сунула дочери с таким выражением лица, словно отдавала свою игрушку. Они тогда бродили по городу, пили в кафе шоколад и ели мороженое. И мама купила медведя...

А теперь Анна Рита сидела на кухне, уже переодетая в домашнее платье, как подушку, прижимала этого медведя к животу и пыталась осмыслить происходящее.

Мама и папа умерли. Ни один человек из тех, что осматривали их тела, не мог сказать, отчего это произошло. Не было ни крови, ни ран. Они оба ничем не болели. У них не было врагов, чтобы кто-то мог пожелать им смерти. И два человека одновременно скончались от неизвестных причин. И никто ничего не знал. Никто ничего не видел и не слышал.

Анна Рита знала. Знала или догадывалась, что их убил *он*. *Он* приходил к родителям, и от этого оба умерли. Проходя на кухню первым этажом, она увидела открытую комнату Парфена и поняла, что старик лакей тоже мертв. И знала – догадывалась, – что мертва и Стеша. И все это сделал *он*. *Он* убил ее родителей. *Он* точно так же убил Стешу и старого Парфена – наверное, просто потому, что они оказались в этом доме. *Он* хотел убить и девочку, но почему-то не смог войти в ее комнату. Не мог или не захотел? Как бы то ни было, она осталась совершенно одна на белом свете и должна быть сильной. Ведь ей надо самой о себе позаботиться. Только как это сделать?

Все еще всхлипывающая Мавра Игнатьевна поставила перед нею кружку теплого молока и тарелку, где лежал кусок хлеба с маслом. Но у Анны Риты не было аппетита. Она только сделала один глоток молока, почувствовала на губах противную пенку, вспомнила, как мама, поджав губы, всякий раз ногтем, воровато оглянувшись, как девочка, подцепляла пенку и стряхивала на поднос... И тут слезы закапали сами собой. Безо всяких усилий, словно где-то внутри проткнули дырку.

Так она сидела и тихо плакала над своим медведем и остывающим молоком, когда вошел знакомый городской. Кухарка, уже немного успокоившись, поинтересовалась у него:

– Ну что?

– Тела увезли. В мертвецкой их еще раз осмотрят и, может быть, установят причину смерти. Пока ничего нельзя сказать... У старика-то ясно – сердце не выдержало. А вот остальные... Все молодые, здоровые... Сделайте мне чаю, будьте любезны!

Он присел к столу рядом, посмотрел на девочку. Анна Рита тихо плакала и никак не могла остановиться.

– Какой ужас. – Мавра Игнатьевна поставила перед мужчиной большую чашку, положила на тарелку куски белой булки с маслом. – Что теперь будет?

– С девочкой? Надо разыскать ее родных. Анна Рита, – он сверился с блокнотом, – у тебя есть кто-нибудь, кроме мамы с папой?

Она подняла голову. Из-за слез лицо городского расплывалось перед глазами в мутное серо-розовое пятно:

– Не знаю.

– Не стесняйся меня, – сказал мужчина, – я – служитель закона, и ты должна разговаривать со мной откровенно.

– Не было у них никого, – встряла кухарка на правах старой городской сплетницы. – Здесь, то есть в Реченске. Приезжие они, издалека откуда-то. То есть где-то у господина Альберта были родственники и у госпожи Елены тоже. Но где они и что с ними? Не знаю. Не любили они об этом говорить. Жили уединенно, никого не принимали, хозяйство я у них вела – Стешка-то тут недавно, второй месяц всего, а со старика Парфена какой спрос был? А отчего же людям добра не сделать? Платили они хорошо, не скупясь. Видно было, что деньги водились и, – тут кухарка воровато оглянулась на девочку и чуть понизила голос, – видно же было, что могли бы жить и на широкую ногу, а ровно стеснялись.

– Вы можете приютить девочку на первое время? Пока мы разыщем ее родных?

Соседка отчего-то смутилась и пошла красными пятнами.

– Ой, не знаю, – замахала она руками. – Здоровья у меня уже нет. Да и времени тоже. И сынок у меня... хоть и здоровым вырос, а ума бог не дал. Мне же теперь весь город по делам-то оббегать придется, некогда за девочкой-то присматривать... Может быть, ее пока в приют? – добавила она с робкой надеждой. – В монастырь какой, а?

Скрипнула дверь.

– Не нужен приют. И монастырь тоже отменяется, – раздался незнакомый женский голос. – Девочка поедет со мной.

Все – даже Анна Рита – повернули головы. На пороге стояла пожилая дама в дорожном платье, с саквояжиком в одной руке и тросточкой в другой. Эффектная, хотя и старая шляпка решительно сдвинута набок так, что из-под нее выбиваются седеющие буколки. На лице гримаса скорби пополам с презрением, как будто умер некто, при жизни не достойный сочувствия и понимания. Она решительно прошла на кухню и постучала тросточкой по стулу, на котором сидел городской:

– Уступите даме место!

Тот встал. Даже не встал – вскочил, словно его дернули за шиворот, и сделал движение, словно хотел поклониться.

– А вы, простите, кто? – опомнившись, одернул сам себя.

– Не ваше дело, – гордо отрезала пожилая дама, но потом сменила гнев на милость: – Мое имя – княгиня Дебрич. Я прихожусь девочке двоюродной тетей. Ее мать была моей родной племянницей.

Взгляды гости и мужчины встретились.

– Тетя? – переспросил городской. – Но откуда вы взялись?

Он как зачарованный смотрел в глаза пожилой дамы. Лицо его окаменело, двигались только губы.

– Я приехала погостить, – объяснила та. – У меня есть письма моей племянницы, в которых она настойчиво просит меня приехать и немного пожить у них. Я откликнулась на просьбу – и вот я здесь. Но, судя по тому, что узнала, не мне надо гостить здесь, а моей внучатой племяннице – у меня.

Откуда-то в ее руке взялась пухлая пачка писем, перетянутых шелковой ленточкой. На конвертах был четко выведен адрес – письма действительно были отправлены отсюда. Гостья развязала ленточку, достала одно наугад и протянула городовому. Тот вздрогнул, словно пробуждаясь от сна, взял письмо, послушно пробежал глазами несколько строк. Потом распечатал второе, третье...

– Ну? Вы убедились? – усмехнулась княгиня Дебрич.

– По-моему, – не сдавался слугитель закона, старательно отводя взгляд от гипнотизирующего взора собеседницы. В ее глазах было нечто странное. Он едва не утонул в них – спасли только письма. – По-моему, надо сначала спросить мнение девочки!

Пожилая дама подалась вперед, вперив взгляд своих ярко-голубых, чуть навывкате глаз в самое лицо Анны Риты:

– Ты поедешь со мной, девочка?

Та сидела, затаив дыхание, и не могла понять, что происходит, тоже зачарованная этим взглядом.

– Но простите, – не сдавался почуявший что-то городской, – есть же закон...

– Закон гласит, что дети должны жить в семье или у родственников, – отрезала гостья. – Семьи у девочки нет, но есть родственница, которая готова позаботиться о сироте. Так и запишите! Тем более что мы уже знакомы. Ты ведь помнишь меня, моя милая?

Анна Рита как парализованная смотрела в лицо приезжей дамы. События в ее маленькой жизни развивались так быстро, что ей требовалось время на то, чтобы понять происходящее. Но едва прозвучало слово «милая», как ее словно ударили. Она вспомнила...

Уроки в третьем классе кончились всего несколько дней назад, но девочка уже успела соскучиться. В женской гимназии Реченска занималось примерно две дюжины девочек от восьми до четырнадцати лет, так что все ученицы были друг другу подружки. С некоторыми она болтала на переменах и потом играла и делала уроки после занятий в одном из свободных классов. Потом за девочками приезжали лакеи и няни, а Анна Рита оставалась в классе до последнего – папа много работал, и мама часто помогала отцу, хотя это и выглядело нелепо и предосудительно в глазах соседей. Елена Сильвяните была единственной женщиной в городе, которая работала, и забегать за дочкой в гимназию могла только вечером. Елена Сильвяните не доверяла свою дочь служанкам.

Но сейчас были каникулы. Занятия в гимназии прекратились, и девочка целыми днями была дома. Кухарка Мавра Игнатьевна и очередная новенькая горничная, как могли, развлекали ее, отправляли гулять и кормили обедами, но Анне Рите все равно было скучно.

Конечно, в комнате она не сидела – как-никак на дворе было лето. Большую часть дня девочка была во дворе перед домом или бродила с горничной по улочкам их маленького городка – в основном эти прогулки совмещались с походами на базар и в лавку. Но в тот день, разморенная жарой, та задремала на скамейке в тени кустов сирени, и Анна Рита потихоньку ушла. Задумавшись, она направилась не в ту сторону, куда они обычно ходили гулять, а в противоположную. И сама не заметила, как забрела на окраину города к раскинувшемуся под летним солнцем зеленому лугу. Весной они с мамой несколько раз ходили сюда за первоцветами.

Сейчас здесь было полным-полно одуванчиков, чистотела, клевера, подмаренника, мышиного горошка и многих-многих других цветов, названия которых девочка не помнила.

Было светло и жарко. Гудели пчелы. Замирали на миг, а потом срывались с места мухи-журчалки, порхали бабочки.

Девочка долго бродила среди разнотравья, собирая букет. Потом, утомившись, прилегла в траву, бросив сорванные цветы рядом. Тут было так тихо, спокойно. В вышине, далеко-далеко, даже не вдруг увидишь, слышалась песня какой-то птицы. От сладкого запаха травы и цветов, от тепла нагретой земли, от яркого солнца глаза закрывались сами собой. И Анна Рита только собралась вздремнуть, как на нее упала чья-то тень.

Какая-то пожилая дама в строгом темном платье, наглухо застегнутом на все пуговицы, в шляпке и с зонтиком стояла перед нею, поджав губы. Застеснявшись, девочка поспешила вскочить.

– Ты что тут делаешь? – поинтересовалась дама. – Совсем одна и так далеко от дома? Ты разве не знаешь, что маленьким девочкам нельзя ходить в одиночестве?

– Я уже большая, – попробовала заспорить Анна Рита. – Я в гимназию хожу.

– Ходишь? Одна?

– Нет. Меня водят мама или папа по очереди. А забирают меня только вечером, потому что маме и папе надо, – она смутилась, зная, что многие не одобряли ее родителей, – маме надо много работать...

– А где твоя няня? – Дама зорко оглядела луг. Но сегодня на нем не было ни души, как, впрочем, и в другие дни. – Почему ты убежала от своей няни?

– Она... у меня ее нет, – со вздохом призналась девочка.

– Почему?

Анна Рита пожала плечами. Что сказать? Не любят няни их дом, и все тут! А как это объяснить постороннему человеку?

– Не можешь или не хочешь говорить? Хорошо. – Дама посмотрела на нее испытующе, окинув цепким взглядом с ног до головы. – Придется мне заняться тобой! Как тебя зовут?

– Анна Рита. Анна Рита Сильвяните.

– Отлично, милая. Ты ведь дочь Елены?

Девочка кивнула, даже не подумав поинтересоваться, откуда незнакомой даме известно ее имя. От соседей, наверное. В Реченске половина народа друг друга знает лично, а про другую половину много раз слышала.

– Но мне не нравится твое имя – Анна Рита. Слишком длинное.

– Папе оно тоже не нравится, – сказала девочка. – Он говорит, что двойные имена сейчас не в моде. Во всяком случае, в нашей стране.

– И он правильно говорит. Я буду звать тебя просто Анной, хорошо, милая?

– Хорошо, – согласилась девочка. – А как вас зовут?

– Зови меня тетей Маргаритой. Хотя на самом деле я прихожусь тебе двоюродной бабушкой, но будет лучше, если ты станешь звать меня тетей. Но, впрочем, это совершенно не важно. А важно то, что мы с тобой наконец-то познакомились. И будет лучше, если мы станем держать наше знакомство в секрете.

– Почему? – удивилась девочка.

– Потому, что я не могу прийти в твой дом без приглашения твоей мамы. А Елена ни за что не захочет меня позвать.

– Вы поссорились? – догадалась Анна Рита.

– И да и нет. Придет время, я все тебе расскажу. Не сегодня. Сегодня я хотела бы погулять. Ты составишь мне компанию?

Девочка подняла свой букет с травы и кивнула, шагая на тропинку.

Потом они долго гуляли по лугу, дошли до опушки соседней рощи, прошли вдоль ее края до маленькой, на четыре двора, деревеньки, где в крайнем доме им налили по кружке молока и дали по куску отрубного, теплого, только-только из печи хлеба. Немного отдох-

нув, они отправились назад той же дорогой, что и пришли, и лишь недалеко от города их немного подвез какой-то экипаж. Все, что девочке запомнилось из этого долгого путешествия, это как раз угощение на крыльце деревенского дома – молоко и хлеб. А вот о чем они беседовали с тетей Маргаритой – напрочь стерлось из памяти. Более того, когда дома Анна Рита пыталась рассказать родителям о своей прогулке и знакомстве с тетушкой, неожиданно выяснилось, что она никак не может вспомнить, как пожилая дама выглядела. Пришлось выдумывать на ходу. В конце концов она запуталась даже в том, что касалось цвета ее платья, и родители, конечно, не поверили. Наверное, она действительно уснула в траве и все это ей приснилось.

Так Анна Рита думала до сегодняшнего дня, когда всего одно сказанное слово разбудило в ней воспоминания.

– Ты вспомнила?

– Да. Вы уже один раз приезжали. Мы гуляли на лугу, потом зашли в одну деревню, пили молоко и...

– Вот видите! – Маргарита Дебрич смотрела победительницей. – Девочка меня узнала! Городовой был сражен.

– Иди и собирай вещи, – распорядилась тетя. – Возьми ровно столько, сколько можешь унести. Мы не задержимся в этом доме ни на минуту.

– Но это ее дом! – попробовала вступить в разговор кухарка.

– Ей нельзя тут оставаться. – Новоявленная тетушка стукнула тростью по полу. – Дом, где произошло убийство, – неподходящее место для ребенка! Она должна уехать отсюда, и как можно скорее...

– И куда вы ее увезете?

– К себе домой. В Дебричев, откуда, кстати, родом ее мать... Ну что ты сидишь? – внезапно напустилась тетя на Анну Риту. – Ты поедешь со мной? Или тоже хочешь умереть, как твои родители?

Девочка тихо сползла со стула. Ей и в голову не пришло заупрямиться. Умереть... Это слово начисто лишило ее воли к сопротивлению.

За ее спиной тетушка начала о чем-то пререкаться с городовым. Зазвучали слова «опека», «суд», «заявление», «права ребенка». Анна Рита не прислушивалась. Одной рукой держась за перила, а другой прижимая к себе подаренного мамой медведя, она поднималась по ступенькам на второй этаж, где помещались их спальни...

И слышала, как кто-то невидимый, но большой и тяжелый, крадется за нею по пятам. Крадется – и ждет ночи. И может быть, хорошо, что она уезжает отсюда – уезжает от того, кто убил ее родителей и мог бы убить ее саму.

Всю дорогу новоявленная тетя молчала, лишь изредка бросая короткие отрывистые фразы: «Не зевай!» или: «Иди за мной!» Девочка спешила за нею изо всех сил и почему-то ее не боялась. Этот день вообще принес ей много неприятностей – жуткая ночь, смерть родителей, появление дальней родственницы и предстоящая поездка, – чтобы в душе осталось хоть немного страха.

Все совершилось очень быстро. Нужные вещи – то, что Анна Рита хотела и могла взять – почему-то оказались на видном месте, словно их выложила сюда невидимая рука. Не пришлось даже ломать голову, что взять, а что бросить. Когда они вышли из дома, к калитке подкатил свободный извозчик, сам помог забраться пассажиркам и закрепил вещи на задке пролетки. Знакомые улочки городка промелькнули мимо, как сон, – и вот они уже на вокзале. Едва тетя купила билеты, как к парадному входу, грохоча колесами, подкатилась почтовая карета, где для путешественниц нашлось свободное место.

Только вид почтовой кареты и осознание того, что она все-таки поедет на ней, одновременно обрадовали и растормошили девочку. Ее родители ни разу не покидали городка, ни разу не возили дочку куда-нибудь за его пределы. О том, что на свете существуют другие города и страны, она узнавала из книг и разговоров. Например, ее родители были родом из разных городов и встретились совершенно случайно – мама пришла на прием к папе, который работал помощником зубного врача в земской больнице. Так они познакомились, стали встречаться, а потом поженились и пару лет то и дело переезжали, пока не родилась дочка и им не пришлось в голову осесть в первом попавшемся городке. Им довольно быстро удалось снять двухэтажный дом, где вся семья жила до недавнего времени.

Раньше мама иногда ходила с нею гулять на вокзал. Они прохаживались по улице, сидели в закуской, кивая знакомым, которые тоже пришли сюда – точно так же прогуляться и провести время за чашкой горячего шоколада. А если прибывала почтовая карета, местные кумушки, как мухи на мед, слетались на приезжих в надежде узнать первыми, кого ветром занесло в маленький захолустный Реченск и нет ли кого знакомого. Конечно, можно было дожидаться выхода газеты, где подробно перечислялись имена прибывших, но первыми узнавать новости так приятно! На боках карет попадались надписи – откуда и куда следует карета. И мама рассказывала девочке про те места. Но никогда не заговаривала о том, чтобы им самим куда-нибудь отправиться.

И вот Анна Рита оказалась внутри обитой старой вытертой кожей кареты и уселась на свободное место у окна. Здесь было тепло, пахло деревом, железом и еще чем-то, чем пахнут только почтовые кареты. Анна Рита удивленно озиралась по сторонам, рассматривая пассажиров и спеша набраться впечатлений. Народа было немного – пожилая пара, какой-то господин, с презрением смотревший в другую сторону и ни разу не проронивший ни звука, и испуганная молодая женщина в темном платье и шляпке с большими полями. Скорее всего, гувернантка, едущая наниматься на работу.

Носильщик забросил на крышу кареты и закрепил там большой чемодан и коробку, в которые сложили вещи девочки. При ней остался только плюшевый медведь и сумка с книжками и тетрадями – на новом месте ей тоже предстояло ходить в гимназию.

Едва усевшись, девочка прилипла носом к стеклу, рассматривая вокзал и улицу с другой стороны и с неожиданной тоской понимая, что больше никогда не увидит этот маленький городок. Здесь ее жизнь закончилась. А что будет впереди? Было страшно и интересно.

Раздался звон колокола. Щелчок кнута, протяжное: «Тро-огай!» – и почтовая карета, дернувшись, поехала, постепенно набирая ход. Рессор не было, она подпрыгивала и дрожала на выбоинах и ухабах. Провожающие замахали платками. Путешественники почти не отвечали им – только пожилая пара, улыбаясь светло и радостно, помахивала платочками. Девочка вспомнила, что когда-то она точно так же вместе с мамой махала вслед отъезжающим, и неожиданно поняла, что она уезжает. Что все кончилось и никогда больше не повторится. Радость от предстоящей поездки сразу куда-то исчезла. В носу предательски защи-пало.

– Не плачь, – промолвила тетя. – Что случилось – то случилось, и поправить ничего нельзя. Ты живая, а они – мертвые. Живым надо жить.

– Моя мама. – Глаза сами собой наполнились слезами. Горло перехватило, и девочка только сдавленно всхлипнула.

– Она сама ступила на эту дорогу и прошла свой путь до конца. Что случилось – то случилось, – повторила родственница. – Теперь у тебя все будет по-другому. У тебя есть я, и я о тебе позабочусь. Ничего не бойся. Напомни еще раз, как тебя зовут?

– Анна Рита, – судорожно вздохнув, ответила девочка.

– Неправильно. Мы же с тобой договаривались, что я буду звать тебя просто Анной, – напомнила тетушка.

– Но это имя выбрала для меня мама. – Сейчас, когда родителей не стало, это показалось важным. – Она настояла...

– Не понимаю, почему? У тебя случайно не было сестры?

– Сестры? – От удивления слезы высохли моментально.

– Да. Сестры-близнеца, умершей во время рождения?

– Не знаю, – испугалась девочка. – Мама ничего такого не говорила.

Вернее, как-то странно отшучивалась, когда единственная дочка заговаривала о том, как бы ей хотелось маленькую сестренку или братика. У всех детей на их улице и даже на соседних имелись братья и сестры – кроме придурковатого сына кухарки – и только Анна Рита была одна-одинешенька. Но мама либо осаживала дочку: «Мне некогда!» – либо отшучивалась: «Ты у меня самая лучшая, второй такой никогда бы не получилось!» Лет до девяти девочка просила родителей о братике или сестренке, а потом смирилась, но теперь задумалась. Мысль о том, что у нее *могла быть* сестренка, которая умерла во младенчестве и в память о ней родители не собираются заводить больше детей, просто не приходила в голову.

– И очень жаль, – решительно заявила тетушка. – Но теперь тебя всегда будут звать Анной. Запомни это! Просто Анной, потому, что Маргарита – это я. А в семье не может быть двух Маргарит одновременно. Всегда только Анна и Маргарита. Твоя мать...

– Мою маму звали Еленой, – вспомнила Анна. – И она не говорила, что у нее есть... была сестра.

Она рассчитывала, что тетя Маргарита сейчас расскажет что-то о родной сестре ее матери, но та лишь кивнула головой:

– Да. Елена была одна. С рождения она считала себя уникальной. Ее собственная мать, Анна, была моей сестрой-близнецом. В нашем роду вот уже девять поколений рождаются только девочки. И только двойняшки. И всех их называли Анной и Маргаритой.

– Почему? – против воли заинтересовалась девочка.

– Это традиция. Никто уже не помнит, откуда она взялась. Ей вот уже несколько столетий. Мы с сестрой Анной были девятыми близнецами подряд. Нашу маму звали Маргаритой, а воспитывала нас тетушка Анна.

– Как это?

– Очень просто. Наша мама тоже умерла, когда мы были совсем маленькими. Меньше, чем ты сейчас. А тетушка Анна была бездетна и взяла нас, сирот. Она и рассказала, что да как.

– И так было всегда? – удивилась девочка.

– Почти. Почти всегда были только две сестры. Одна рожала близнецов, а другая оставалась бездетной и помогала их воспитывать. В прежние времена женщины часто могли умереть раньше срока – например, при родах. Редко, очень редко, кроме близняшек на свет появлялся кто-то еще. За все девять поколений такое случалось лишь трижды – родились две девочки и мальчик.

– И где они теперь?

– Умерли, – равнодушно пожала плечами тетя Маргарита. – И уже очень давно, насколько я помню семейные хроники.

– А моя мама? – Девочка подумала, что, наверное, у ее мамы были две старшие сестры.

– Елена была не единственным ребенком в семье, если ты об этом. Анна дважды пыталась стать матерью, но выжила только Елена. Моя сестра носилась с нею, как курица с яйцом и ужасно ее разбаловала. Твоя мать была уверена, что она – особенная, что ее ждет необыкновенная судьба, раз она родилась одна и не получила родового имени. Ей не хотелось жить так, как жили мы с ее матерью. В восемнадцать лет она убежала из дома.

– Как? – ахнула Анна. – Убежала? Совсем?

В гимназии, где она училась, иногда рассказывали истории о непослушных маленьких детях, которые, обидевшись на взрослых, по какой-то причине убегали из дома. Этих детей обычно подстерегали разные опасности и неприятности. Еще она читала книжку про мальчика, который решил убежать в жаркие страны, чтобы стать знаменитым охотником и путешественником, но его поймали на реке и вернули домой родителям. Но неужели ее собственная мама поступила так же?

– Совсем, – кивнула тетя Маргарита. – Оставила записку, чтобы ее не вздумали искать, что она уже взрослая и хочет сама выбирать свой путь. Но мы все равно ее нашли. Мы всегда всех находим, – добавила она каким-то странным тоном, отчего девочку передернуло.

Неожиданно Анна вспомнила о *нем*, появления которого все время ждала ее мать. Оказывается, это не «он», а «она». Ее бабушка?

– А где моя бабушка? – поинтересовалась она.

– Умерла, – поджала губы тетюшка. – Поступок твоей матери разбил ее сердце. Постарайся не разбивать сердца мне. Ведь ты – последняя. Кроме тебя и меня, в нашем роду никого не осталось в живых!

Она сказала это таким тоном, что у Анны сразу пропало желание продолжать расспросы.

Глава 2

Дом был большой – в три этажа, с высоким чердаком, который вполне мог сойти за еще один этаж, там имелся даже маленький балкончик, просторным флигелем на первом этаже, башенками и массивным крыльцом. Небольшие окна с резными наличниками напоминали глаза – много глаз на насупленном лице. Дом был старинным – ему, наверное, было не меньше трехсот лет. И было видно, что парадное крыльцо его когда-то перестраивалось.

Служебных построек позади него было мало – два сарая, амбар для зерна и припасов, старая конюшня, маленькие грядки стиснутого ими огородика, каретный сарай, пустой и заброшенный, колодец, обложенный камнями, и чуть в отдалении, за кустами, виднелись крыши двух маленьких домиков непонятного назначения, судя по всему, давно уже нежилых. Но это Анна обнаружила потом – сейчас же она, подойдя к калитке, остановилась, озираясь по сторонам. Мимо нее прошел извозчик, тащивший ее вещи. Поставил чемодан и коробку на крыльцо, получил от тети Маргариты на чай и уехал, а девочка все стояла и смотрела по сторонам.

Перед домом раскинулся старый неухоженный сад. Не занятая им часть двора заросла сорной травой, но было видно, что когда-то тут была лужайка для игр и летнего отдыха. Широкая утоптанная дорожка вела от калитки к крыльцу, и от нее по саду вились тропинки. Возле дома стояло наполовину сухое дерево, кривое и уродливое. На первый взгляд дом казался заброшенным.

– Вот. – Тетя Маргарита открыла калитку и пропустила девочку внутрь. – Это теперь твой дом. Его оставил мне мой покойный муж. Дом очень старый, но еще крепкий и простоит не один десяток лет.

Анна, прижимая медведя и сумку с книгами к животу, пошла по дорожке. Двор был большой, крупнее, чем у соседей справа, но казался меньше из-за того, что его частично потеснил запущенный сад. Слева за забором раскинулись густые заросли ивняка, за которыми начинался спуск к неширокой речке.

То самое уродливое дерево возле крыльца привлекло ее внимание. Оно нависло над дорожкой, протягивая к гостье корявые ветви. Девочка невольно попятилась – ей вдруг померещилось, что дерево задвигалось само, нагибаясь, как живое.

– Не бойся, – прозвучал за спиной повелительный окрик тетушки. – Ты здесь главная! Шагай с поднятой головой и не смотри по сторонам. А ты – стой, где стоишь, и не смей ее пугать!

Анна удивилась – как можно приказывать дереву? – но оно, к ее удивлению, тотчас распрямилось и вроде как даже попятилось. Остановившись, девочка всмотрелась в основание ствола. Нет, точно! Раньше корни торчали из земли, а теперь погрузились в траву.

– Ой...

– Заметила? Хорошо. Не обращай внимания.

– Это волшебство? – догадалась девочка.

– Да.

– М-р-р...

Анна вздрогнула – на крыльце, обвив хвостом лапки, сидела пушистая двухцветная кошка – в черной шерсти тут и там виднелись рыжие волоски, а левая половина морды была ярко-рыжей, словно ее макнули в краску.

– Ой! Это ваша? – Девочка потянулась погладить кошку, и та ткнулась ей макушкой в ладонь, мурлыча и напрашиваясь на ласку.

– Нет. – Тетя Маргарита первая стала подниматься по ступеням. – Соседская. Она редко сюда приходит.

– Почему?

– Ее дома хорошо кормят.

– Ка-ар!

Анна подняла голову. На кривом дереве сидела ворона и, склонив голову набок, рассматривала ее так пристально и разумно, как могут эти птицы. Казалось, она вот-вот заговорит человеческим голосом. Кошка никак на ворону не среагировала. Зато когда на забор опустилась сорока, встопорщилась и зашипела. В траве что-то зашуршало – не то змея, не то крыса.

– Ой! – Девочка запрыгнула на крыльцо. – Сколько тут всяких зверей...

– Обычно их тут бывает намного меньше. – Тетя Маргарита втащила чемодан на крыльцо и отперла большой висячий замок. – Проходи.

– А у вас есть какое-нибудь животное? – Девочка последний раз обернулась на всех зверей и птиц – крыса, в траве действительно была крыса! – и прошла в темную переднюю.

– Нет. – Голос тетушки звучал уже откуда-то сверху. Присмотревшись, Анна заметила довольно крутую узкую лестницу. Ступеньки скрипели на разные голоса – казалось, старый дом о чем-то пытается рассказать новому жильцу. – А зачем?

– Ну... – Девочка пожала плечами. В ее представлении у всех пожилых дам есть любимая кошка на диване, маленькая собачонка, с которой она гуляет в старом парке, или хотя бы чиж в клетке. – Совсем-совсем никого?

– Совсем! – Тетушка одолела лестницу и смотрела сверху вниз. – У меня аллергия. Предупреждаю заранее, если ты вдруг захочешь притащить сюда эту кошку!

– Мяу! – обиженно откликнулась та с порога. Потом встала, задрала хвост и важно спустилась с крыльца.

– Кстати, – добавила тетя, – прислуги у меня тоже нет. Так что не жди, что за тебя тут все будут делать!

С этими словами она ушла куда-то по коридору, оставив девочку одну на пороге дома.

Внезапно дверь захлопнулась. Щелкнул засов. Передняя погрузилась в полумрак – четыре небольших узких окна, затянутых темными шторками, не могли полностью разогнать темноту.

Анна вздрогнула. Она была уверена, что не дотрагивалась до двери и тем более не закрывала ее на засов. И сквозняка не было.

Вспыхнул свет, заставив ее вскрикнуть. Сама собой загорелась свеча на небольшом столике у стены. Возле него висело большое зеркало в витой раме. Рядом на салфетке лежал небольшой ридикюль, вязанный кошелек и перчатки. Но девочка едва заметила все это – в зеркале кроме нее отразился...

– Аа-а-а-а! – закричала она. – Маа-ама!

– Что? – крикнула тетушка, мгновенно появляясь на верхней ступени лестницы.

Анна стремительно обернулась – и крик застрял в горле. За спиной никого не было! Она глянула в зеркало – и опять наткнулась на пристальный взгляд...

– Там... там...

– Что ты там увидела?

– Призрак! – выпалила Анна первое, что пришло в голову. А кем еще было это существо, кроме как...

– Глупости! Там на стене висит портрет. Ты, наверное, увидела его.

Анна обернулась, всмотрелась в темноту – и действительно на противоположной стене увидела картину в старинной раме. Девочка подошла поближе – на старом, потемневшем от времени холсте был изображен молодой мужчина в старинной одежде. Такие камзолы и шляпы с перьями носили, наверное, лет сто или даже двести назад. Не сказать, чтобы он

был красив, но приятное лицо было печально, а улыбка была какая-то странная, словно он пытался кого-то подбодрить.

– А кто это?

– Не знаю. – Тетушка спустилась на несколько ступенек и остановилась. – То ли дед, то ли прадед моего покойного мужа. Он умер молодым, но наверняка успел прославиться, раз его портрет писал знаменитый Карло Паоло, когда путешествовал по стране!

Анна первый раз в жизни слышала о Карло Паоло, но вежливо кивнула головой.

– Налюбовалась? Иди сюда. Уже поздно. Пора спать.

Поздно? Девочка обернулась на окошки. Они с тетей Маргаритой провели в почтовой карете почти всю ночь – Анна спала, положив голову на колени своей новой родственнице. Остановились только часа в два на небольшом ямском дворе, где путешественницы дождались рассвета. Утром они пересели в другую карету, тряслись в ней еще восемь с половиной часов, если не считать двух небольших остановок. Выйдя на станции, путешественницы пообедали в привокзальном трактире, немного отдохнули и наняли извозчика – Дебричев был городком побольше, чем родной для Анны Реченск, и пешком дойти с одного края города до другого было слишком тяжело – тем более с большим чемоданом и коробкой. Сейчас было только часов шесть пополудни. Спать, когда на улице еще светло?

– Я не хочу спать. Я хочу есть.

– Ох уж эти дети! Вечно хотят есть... Мы же два часа как пообедали! Хорошо. Чай. Мы выпьем чай. С печеньем! – Последнее слово тетя Маргарита произнесла таким тоном, словно отдавала приказ невидимому слуге.

Громко, как будто на нее резко опустили что-то тяжелое, скрипнула одна ступенька. Затем – вторая, чуть ниже ее. Потом – третья. Анна попятилась.

– Не обращай внимания. Дом старый. Тут то и дело что-то скрипит и трещит. Ты привыкнешь. Он не такой ветхий, как тебе кажется! Поднимайся живее! До того как выпьешь чаю, ты должна осмотреть свою новую комнату!

Скрип замер где-то на третьей ступеньке снизу. Прижимая к груди сумку с книгами, Анна стала тихо подниматься вверх по лестнице. На той самой ступеньке она остановилась. Тихо протянула руку вперед, провела ею в воздухе, надеясь нащупать... Что? Привидение?

Тетя презрительно фыркнула, и девочка, устыдившись своего поступка, в несколько прыжков одолела лестницу. За ее спиной опять скрипнули ступеньки.

Портрет молодого человека в старинной одежде еще несколько минут висел в темной передней, а потом сам собой растаял в воздухе.

Черно-рыжая кошка сидела на крыльце, обвив хвостом лапки, и вела себя чинно и благопристойно. И, может быть, поэтому большая серая крыса бесстрашно выбралась из высокой травы, подошла и села рядом на задние лапки. Несколько секунд внимательно смотрела на кошку, а потом начала лихорадочно умываться. Кошка смотрела на крысу с ленивым презрением во взоре.

Громко каркнула ворона, перелетая с дерева на перила крыльца. Сорока не присоединилась к ним – она перелетела на одно из растущих у калитки деревьев, выбрав наблюдательный пункт, чтобы удобнее было смотреть за окружающим. Громко крикнула, качнув хвостом.

– Ну, сестр-ры, – мурлыкнула кошка, – и что вы р-рассмотреу-ули?

– Ничего, – пискнула крыса, намывая мордочку.

– Пр-релестно! Пр-релестно! – Ворона прошла по перилам, уронила черно-зеленую кляксу.

– Неу-р-рвы? – протянула кошка.

– Ничего-ничего. – Крыса перестала мыть мордочку и стала двумя лапками яростно скрести шубку на боку. – Слишком мелкая...

– На себя посмотри-ри! – каркнула ворона.

– Выур-растет, – заурчала кошка. – Все были таким-ми...

– Долго ждать! – пискнула крыса. – И она совсем неуч... Не умеет *видеть*. Не умеет *слышать*.

– Выы-ыучится... Мне нр-равится. Хор-рошая.

– Выучим! – каркнула ворона.

– Да-да-да-да! – напомнила о себе сорока из ветвей.

– Ничего-ничего, – в третий раз пискнула крыса и принялась вылизывать свой живот. – Вот увидите! Ничего у вас не получится!

И поскорее шмыгнула в траву, пока кошка и ворона не накинулись на нее и не начали трепать. Сорока насмешливо застрекотала, скача с ветки на ветку своего наблюдательного пункта.

– М-может, нанесем-м визит? – Помолчав, кошка подняла переднюю лапку и лизнула ее несколько раз.

– Пор-ра? – Ворона стукнула клювом по перилам.

– Вот еще! – возмущенно пискнули из травы.

– А по-м-моему, стоит, – муркнула кошка. – Заодно и р-рассмотр-рим...

Сорока застрекотала, но не насмешливо, а тревожно, подавая сигнал опасности, и, снявшись с места, полетела к ивам, росшим за заборчиком у берега речки. Со стороны могло показаться, что там находится ее гнездо, но ни на одном из деревьев не виднелось сорочьего шара¹. Ворона проворно прыгнула с перил, прячась на крыльце. Крыса затаилась в траве. И только кошка осталась сидеть неподвижно, шуря оранжевые глаза и глядя вдаль. Люди редко замечают кошек, особенно если они не черные.

Мимо прошел человек. Обычный молодой человек, на первый взгляд такой же, как все люди. Но что-то в нем было странное. Осторожность не повредит. Мало ли кто тут ходит. Все люди разные. А этот еще и незнаком – кошка помнила всех, кто жил на этой улочке. На городской окраине все друг друга знают. А этот не только чужак.

Молодой человек шел по тихой улочке провинциального городка. Улочка – как улочка, с теснящимися справа и слева двух- и одноэтажными домами, возле которых раскинулись палисаднички. Несколько минут назад он сошел с проезжавшей мимо почтовой кареты, которая, не заезжая в город, продолжила свой путь дальше, избавившись от единственного выходящего здесь пассажира. Шел от окраины к центру в поисках гостиницы для приезжих или маленького домика, где можно снять комнату. Человек был привычным путешественником. Ему не раз приходилось покидать насиженные места, чтобы отправляться в дорогу, и опыта ему было ни занимать. Он даже заметил крадущуюся по пятам кошку черно-рыжей масти, но решил пока не обращать на нее внимания. Присмотрится потом, если заметит, кто кошка впрямь ведет себя странно.

Сам он ничем не отличался от десятков и сотен молодых мужчин – ни цветом кожи, ни чертами лица, ни одеждой он не выделялся из толпы. Дамы могли обратить внимание на его молодость и привлекательную внешность, мужчины – на военную выправку, те и другие – на отменно скроенный сюртук, выдававший в нем чиновника военного ведомства, и начищенные до блеска ботинки. Но не более того. И уж, конечно, никто не мог сообразить, что приезжий как две капли воды походил на портрет молодого человека в старинных одеждах. Тот самый, что висел в темной передней одного из старых домов.

¹ Сорочий шар – гнезда сорок напоминают шар, сплетенный из прутьев.

Проводив его до ворот городской полицейской управы, кошка тихо устроилась под забором и приготовилась ждать. Для нее это был не просто приезжий. Молодой человек с темными вьющимися волосами, серыми глазами и приятным лицом обладал колдовскими силами. Он был ведьмаком. Значит, появился в городе не просто так. Но зачем?

Немногим известно, кто такие ведьмаки и чем они занимаются. Для обывателя это такие же колдуны, которые вершат свои колдовские дела, разве что колдуны все – слуги сил Зла, а ведьмаки служат самим себе или иногда Добру. Самые образованные говорили, что ведьмаки – что-то вроде охотников за нежитью. Истина, как показывает практика, всегда находится где-то рядом. И для ведьм появление ведьмака очень часто не сулит ничего хорошего. Особенно сейчас, когда в общине – или, как они сами себя называли, «семье» – ведьм появилась эта девочка...

Рабочий день в полицейской управе провинциального городка заканчивался рано. Нет, и в этом захолустье время от времени происходили события, требовавшие вмешательства полиции, но в последние месяцы все было тихо. И начальник управы порядком удивился, когда в его кабинет без стука вошел подтянутый, гладко выбритый молодой мужчина в дорожном сюртуке, какие носят в столице чиновники военного ведомства. Вот только нашивки на нем были странной формы – с ходу не разберешь, к какому роду войск принадлежит приезжий.

– Добрый день, – поздоровался он, дернув подбородком вверх-вниз, что должно было означать вежливый поклон.

– Добрый. С кем имею честь?

– Вас должны были предупредить о моем приезде. – Гость поставил на стул для посетителей большой саквояж и достал оттуда несколько бумаг. – Прошу.

Начальник управы пробежал глазами паспорт и сопроводительное письмо с гербовой печатью. Лицо его вытянулось и совершенно преобразилось.

– Помилуй бог! – воскликнул он, вскакивая и торопливо одергивая мундир. – Сам Юлиан Дич собственной персоной? Да-с, помню, как же! Позавчера только вручили с утренней корреспонденцией письмо с уведомлением. Простите, не знал, что вы явитесь так скоро! Какими судьбами?

– Дела государственной важности. – Юлиан Дич расселся на втором стуле, закинув ногу на ногу.

– Понимаю. – Начальник городской управы стоя отдал честь. – М-может быть, чаю? Ликеру? Коньячку? Или кофию?

– Кофий, – благосклонно кивнул Юлиан Дич. – С коньяком.

– Будет сделано!

Начальник торопливо позвонил в колокольчик и отдал приказ ворвавшемуся денщику, принявшись в ожидании торопливо перебирать на столе бумаги, спеша освободить место и хоть немного прибраться, а заодно и успокоиться. Визит человека, о котором его предупреждали официальным уведомлением, всегда грозил неприятностями. Из столицы редко приходят хорошие новости. Чаще всего в официальных письмах сообщается о введении новых налогов или повышении старых. Об указах, которые теперь должны неукоснительно соблюдаться. О всяких мерах по содействию, усилению, контролю, надзору...

Вот и теперь тихая жизнь провинциального городка оказалась нарушена появлением гостя из столицы. И не просто ревизора из департамента по налогам, а следователя аж из Третьего отделения, с которым шутки плохи. И добро бы прислали убежденного сединой мужа, так нет же – напротив начальника управы, положив ногу на ногу, сидел юноша не старше двадцати двух-двадцати четырех лет. Породистое гладкое лицо из тех, какие заставляют учащенно биться сердца не только юных девушек, но и их мамаш, а также почтенных вдо-

виц и ревнивых мужей. Вьющиеся волосы, красивые губы, ямочка на подбородке... Облик сердцееда, правда, несколько смазывал наглухо застегнутый сюртук и холодный пронзительный взгляд, от которого мурашки бежали по спине. Непрост посланник Третьего отделения, ох как непрост! Но там, сказывают, обычные люди и не служат. Там, скорее, служат нелюди.

Выпучив от волнения глаза, денщик принес две чашки горячего кофия. Он тоже почувствовал что-то неладное в приезде.

— И чем таким наш скромный Дебричев мог заинтересовать Третье отделение? — дождавшись, пока за ним закроется дверь, поинтересовался начальник управы. — Уж не про Дом с привидениями идет речь?

Юлиан Дич кивнул, делая первый глоток. М-да, это не кофий с коньяком — это чистый коньяк, в который для вида плеснули кофию. Провинциалы, что с них взять... Он задумался, прикидывая, как и что ответить.

Несколько месяцев назад у него сменился начальник. По официальной версии — по состоянию здоровья, но служащие-то знали, что истинная причина стара как мир — взятки, что в их работе недопустимо и пахнет государственной изменой. Новый глава Третьего отделения перво-наперво решил изучить оставшиеся после предыдущего начальника дела и документы, подтверждающие измену, и обнаружил толстую папку с подшитыми в нее письмами и отчетами. Речь в них шла об одной легенде маленького городка Дебричева. По слухам, в городе или его окрестностях стоял старый дом, где находились несметные сокровища, которые охранялись привидениями. Тот, кто пробудет в доме всю ночь до рассвета и не испугается, станет обладателем огромного богатства. Версий по поводу того, кто и почему мог зарыть этот клад, было великое множество. Это могло случиться и во время нашествия монгольской орды пятьсот лет тому назад, и когда тут в позапрошлом столетии хозяйничали ляхи, и во времена княжеских усобиц, и даже рассказывались вообще уже невероятные истории о том, что, дескать, еще до того, как был выстроен город Дебричев, тут находилось якобы легендарное Тридевятое царство. И сокровища могли быть тем, что осталось от несметных богатств здешних доисторических владык. В последнюю версию лично Юлиан Дич верил с трудом, но работа в Третьем отделении приучила его не сбрасывать со счетов даже самые бредовые версии — про царей Змиуланов и цариц Молоньих в том числе.

А еще в городе время от времени пропадали дети. Просто без объяснимых причин время от времени исчезал какой-то мальчик или девочка в возрасте от десяти до четырнадцати лет. Все остальные дети были убеждены, что это как-то связано со старым домом и его сокровищами, но взрослые почему-то не придавали большого значения этим фантазиям, обвиняя кого и что угодно — только не Дом с привидениями. Лишь несколько раз составлялись прошения в столицу. Однажды в ответ на очередное послание приезжал какой-то чиновник, осматривал окрестности и, как следовало ожидать, ничего не нашел. Составил акт, что пустого дома, подходящего по описанию под Дом с привидениями, в Дебричеве нет. И в заключение дал рекомендации получше смотреть за своими детьми и вообще впредь самим разбираться с городскими легендами.

Так продолжалось до появления нового главы Третьего отделения, который близко к сердцу принял пропажу детей и отправил одного из агентов в город с приказом выяснить наконец, в чем тут дело. Юлиан Дич вызвался сам. С Дебричевым у него были связаны свои планы...

Юноша пожал плечами и таинственно улыбнулся:

— В моих... да и в ваших интересах, если я не стану распространяться о подробностях расследуемого дела.

— Понимаю. Государственная тайна, — кивнул чиновник. — Но вот тут сказано: «Всемерно содействовать...» Чем могу помочь?

Юлиан Дич весь подобрался. Легкая улыбка исчезла с его лица.

– Я ищу следы одного человека, – сказал он. – Мне нужна любая информация о жизни и, самое главное, смерти князя Мартина Дебрича.

Это и была причина, по которой он решил взяться за расследование.

– Дебрич... Дебрич... – забормотал начальник городской управы, старательно морща лоб. – Где-то, кажется, я слышал это имя, но...

– Род Дебричей – древний род, первые упоминания о котором встречаются еще в «Начальном своде летописания российского». Во втором томе одного летописания, за год 6764 от Сотворения Мира есть запись о том, что некий Лютоня Дебрич ходил походами на Мурому и воевал с князьями Рарожичами. С давних пор род Дебричей жил и процветал в этом городе, служа наместниками великих князей. Одна из княжон этого семейства даже стала супругой князя из числа Рарожичей году... кажется, в 6919 или 6920, – любезно подсказал гость. – Насколько я знаю, как минимум семеро представителей этого славного рода даже когда-то удостоились чести быть похороненными под плитами городского собора. Я хочу сказать, старого городского собора, на месте которого почти полвека назад был выстроен новый. Если точнее, шестеро – под плитами старого собора и последний представитель рода – уже в новом соборе, который частично был выстроен на его деньги.

– Вы отменно осведомлены, господин Дич, – улыбнулся начальник городской управы.

– Скажем так – я изучаю историю этого древнего и когда-то весьма многочисленного рода. Восстанавливаю всю хронологию и летописание династии. Мною собраны сведения о дюжине представителей этого семейства. Но сейчас меня интересует только один человек – Мартин Дебрич.

– Мартин... Имя иноземное.

– По имеющимся у меня сведениям, его матерью была ляхская панна Марта Суречич, вышедшая замуж за одного из представителей рода князей Дебричей. Сам Дебричев в Смутное время более полувека входил в состав Великого Королевства Ляховитского. Здесь в свое время обосновались многие представители ляхских дворянских родов, и не все из них покинули уезд после изгнания династии Мнишеков триста лет тому назад.

Снисходительный тон, с которым столичный гость вещал об истории его родного города, покорибл начальника полицейской управы, но он предпочел держать свои мысли при себе. Ничего, сопляк, я еще возьму тебя за шейку! Дай срок!

– Могу я спросить, чем вызван такой интерес? – спросил он. – Это по заданию Третьего отделения или...

– Третье отделение никогда не дает заданий, не сумев заинтересовать исполнителя, – прищурился Юлиан Дич. – Это и мое личное дело. Дело чести, так сказать.

– Родовой чести, как я понимаю? – ухватился за оговорку начальник управы. – «Дебрич» – «Дич»...

– Вы угадали. Боковая ветвь рода.

Лицо чиновника от полиции несколько раз переменяло выражение, словно он не знал, как себя вести с гостем, и наконец на нем появилась маска вежливого безразличия.

– Знаете, – промолвил он как бы в глубоком раздумье, – а ведь именно в этом вопросе я ничем не могу вам помочь, господин Дебрич.

– Тогда уж, – голос гостя тоже утратил вежливо-любезные интонации, – князь Дебрич.

– Да как вам будет угодно, – улыбнулся чиновник от полиции, – а только это ничего не изменит. Я ничем не могу помочь вам в поисках вашего... мм... родственника. Мне очень жаль. Но ни за какие деньги и никто во всем городе, – он постарался интонацией и взглядами подчеркнуть категоричность отказа, – не сможет вам помочь.

– Так-таки никто?

– Никто. Я даже сомневаюсь, что посещение городского архива может как-то пролить свет на поиски этого... как там его звали?

– Мартина Дебрича.

– Вот-вот. Вы, конечно, можете немного пожить в нашем славном городке, мы всемерно будем содействовать вам в поисках, но не надейтесь на результаты.

– И все-таки я попробую. – Юлиан Дич поднялся, опять коротко кивнул, дождался, пока начальник городской управы сделает необходимую пометку в его паспорте, забрал свои документы и был таков.

После его ухода чиновник от полиции шумно перевел дух и, воровато оглянувшись, кинулся к шкафчику, открыл его, достал графинчик грушевой настойки и стопку, наполнил и залпом выпил, занюхав рукавом. Третье отделение! Вот не было заботы! Хотя, если бы он все-таки занялся расследованием по тому странному Дому с привидениями, было бы неплохо.

А тот, кого он так боялся, уже спокойно шагал по улочке маленького городка. Первая неудача его ничуть не обескуражила – он знал, что официальные чиновники могут чинить препятствия. Никому не хочется связываться с Третьим отделением, ибо дела, которые расследуют его агенты, неподвластны обычным людям.

Другой вопрос, почему начальник полицейской управы так отреагировал на упоминание фамилии Дебричей. Тут что-то не так. Либо Юлиан действительно подобрался к разгадке тайны своего родственника, либо дело оказалось сложнее, чем он думал.

На сей раз, задумавшись, он не заметил странную кошку, которая сначала терпеливо подождала его возле полицейской управы, а потом потрусила следом, проводив до самой гостиницы.

Долгий день был насыщен событиями настолько, что Анна, несмотря на усталость, долго не могла заснуть.

Дом был огромным. Больше того двухэтажного особняка, где она жила с папой и мамой. В нем было не два, а целых три этажа и невероятное количество комнат, где немудрено заблудиться. На первом этаже, кроме нескольких кладовых, прихожей, просторной кухни, комнат для отсутствующей прислуги и почему-то запертой библиотеки, не было ничего. Второй этаж был отдан под большие комнаты – музыкальную залу, танцевальную залу, две столовые, просторная гостиная комната, два кабинета и еще несколько запертых комнат непонятного назначения. На третьем этаже были жилые комнаты, большая часть которых оказалась закрытой на замок. Кроме того, из коридоров второго этажа можно было каким-то образом попасть во флигель, где помимо большой приемной залы имелось несколько комнаток для гостей. Тетушка Маргарита без особого восторга исполняла роль экскурсовода, скупно и неохотно отвечая на расспросы племянницы. Еще во времена ее молодости тут обитало много народа – кроме ее супруга, здесь жили его матушка и дядя, незамужняя кузина, экономка, повариха, две горничных, лакей, гувернантка племянницы Елены, две приживалки и личный слуга дяди, а во флигеле обитали садовник с семьей, конюх и дворник. После смерти мужа осталось столько долгов, что дела семейства быстро пришли в упадок. Тетушке пришлось рассчитать большую часть прислуги, оставив только одну служанку – да и то потому, что надо было воспитывать Елену, мать девочки. Последние годы они жили тут втроем – сестры-близнецы Анна и Маргарита и подрастающая Елена. А потом она осталась одна.

Против воли девочка пожалела тетю – дом был просто огромным, и жутко делалось при мысли о том, как тут одиноко долгими зимними вечерами. Неудивительно, что она такая мрачная!

Внутри все было старое, даже старинное. Тут почти не было вещей, которым меньше тридцати лет. Старинная мебель, старинные, потемневшие от времени шпалеры, тяжелые бархатные портьеры, двери с резными ручками в виде львиных и собачьих голов, массивные бронзовые подсвечники, камин, отделанный камнем. Из-за темных штор тут почти везде царил полумрак, а распахивать шторы настежь тетя Маргарита запретила, так что вечерний чай с печеньем им пришлось пить в полутьме.

Вообще запреты в этом доме были странными. Анне разрешалось ходить везде, даже забираться на чердак и рыться в библиотеке, собранной еще много лет назад. Ей также дозволялось свободно бегать по двору и заглядывать в каретный сарай и подходить к колодцу, но с одним условием.

– Запомни, Анна, – тетя крепко держала ее за руку, – и пообещай, что ни за что на свете не попытаешься открыть дверь, запертую на медный замок!

Девочка порядком удивилась. Они прошли мимо множества дверей, и замка не было ни на одной. Это она помнила точно – тетя распахивала каждую, показывая, что где находится.

– А где она, эта дверь? – заинтересовалась Анна.

– Не важно. Чем меньше ты будешь о ней знать, тем лучше для тебя. Просто пообещай! – Она остановилась, посмотрела сверху вниз на племянницу и тряхнула ее за руку. – Ну?

– Обещаю, – промолвила та.

– Ну и хорошо. Это единственное, чего ты не должна делать ни под каким видом, так что, думаю, тебе будет легко справиться.

– Но почему? – задумалась девочка. – Почему везде можно, а в ту дверь нельзя?

Тетя как раз распахнула двери в еще одну комнату, заглянула за порог.

– Там опасно, – коротко ответила она и дернула племянницу за руку, ведя дальше.

Чай они нашли в одной из комнат, которую тетя Маргарита назвала малой гостиной уже после того, как обошли большую часть дома. Любопытство распирало Анну, она внимательно смотрела по сторонам, но ни на одной двери не видела большого медного замка. Может, это дверь не в комнату, а дверца какого-нибудь шкафа? Мама часто запирала буфет... Да, наверное, и тетя поступала точно так же. Эти соображения примирили ее с существованием тайны, а угощение и саму тайну отодвинуло на задний план. Оказывается, она ужасно устала и проголодалась!

На стоявшем в центре комнаты столе обнаружили два чайника – для кипятка и заварки, две чашки, сахарница, молочник и вазочка с печеньем. Кто и когда все это приготовил и принес – оставалось загадкой. Анна не слышала ничьих шагов. Но полумрак гостиной вселял в нее тревогу – казалось, что в тени возле массивного буфета кто-то стоит. Девочка уже знала, что предметы иной раз могут отбрасывать странные тени и достаточно немного света, чтобы рассеялись страхи. Например, вон та тень – только тень или нечто большее?

– А можно... открыть окно? – поинтересовалась Анна.

– Нет! Здесь очень много старинных вещей, – отрезала тетя Маргарита. – Им вреден яркий солнечный свет. Мы открываем окна только в пасмурную погоду.

За дверью послышался тихий вздох. Девочка подпрыгнула, едва не расплескав чай, и ойкнула от неожиданности:

– Кто это?

– Не обращай внимания. Этот дом очень стар. Некоторые половицы скрипят.

– Но это был не скрип. Это... Тут еще кто-нибудь есть? Кроме нас? – Кто-то же должен был принести им чай с печеньем. И та странная тень... Ее больше не было возле буфета!

Тетя внимательно посмотрела на двери.

– Есть, – загадочно произнесла она, прищурившись. – Как не быть... Но ты не должна обращать на это внимания. Это тебя совершенно не касается, запомни это, Анна!

– Прислуга? – обрадовалась девочка. Все-таки этот дом не настолько пустой!

– Да. И к тому же отлично вышколенная. – Пожилая дама смотрела на дверь и явно обращалась к тому или той, что стояла снаружи. – Выполняет все, что ни попросишь... или почти все. И при этом отлично умеет не попадаться на глаза и не привлекать к себе внимания! Так что не надейся – ты *никого* не увидишь! И не вздумай искать!

Опять послышался вздох.

Несколько минут прошло в молчании.

– Ты допила чай? – поинтересовалась тетя Маргарита, отставив свою чашку. – Тогда иди в свою комнату. Тебе надо отдохнуть.

Анна слезла с высокого стула:

– А вы меня проводите? А то я... боюсь.

– Глупости. Твоя комната на третьем этаже в конце коридора. Дверь открыта. И не бойся. Здесь *никто и ничто* не причинит тебе никакого вреда.

Почему-то это заверение напугало Анну. Но спорить было бесполезно. Кроме того, она действительно очень устала. Последние дни были так наполнены переживаниями, что девочке необходимо было остаться одной и успокоиться.

В коридоре было темно – снаружи уже наступал вечер, и сюда забрались сизые сумерки. Было темно, но в конце коридора сиял мягкий свет. Прижимая к себе плюшевого медведя, с которым не расставалась ни на минуту, Анна пошла навстречу источнику света.

Комната, которую она нашла гостеприимно открытой, была небольшой, но с двумя окнами. Одно было наглухо закрыто темными шторами, другое занавешено только наполовину. Возле него стоял стол, где красовался бронзовый подсвечник с тремя свечами. Рядом стоял стул, в углу – тумбочка, над которой висело зеркало. На тумбочке – тазик, кувшин для умывания и маленькое полотенце рядом на гвоздике. Еще имелось бюро, где чья-то рука разложила все ее книги и тетради из школьной сумки. Ну и, конечно, кровать.

У Анны дух захватило от того, какая это была кровать. Она занимала почти четверть комнаты и явно предназначалась для взрослой женщины, а не для маленькой девочки вроде нее. И не только по длине, но и по ширине. Если бы у Анны действительно была сестра, то девочки вполне могли бы улечься тут вдвоем, нисколько не мешая друг другу.

Кровать была высока – если бы не скамеечка, вскарабкаться на перины было бы трудно. Четыре витых столбика поддерживали темный полог с бахромой. Подушка, большая, пышная, была всего одна. Поверх одеяла лежала ночная сорочка. На маленьком столике рядом – гребешок и ночной чепчик. Гребешок был ее собственный, а вот ночная сорочка и чепчик – новые.

Анна быстро переоделась, нырнув в сорочку. Пока она возилась с завязками, в коридоре послышались шаги.

Девочка обернулась – только для того, чтобы увидеть, как захлопнулась входная дверь.

– Кто здесь?

Собственный голос показался слабым и тонким. Ничего удивительного, что ей никто не ответил – из-за двери ее наверняка не расслышали. Анна осторожно подошла к двери, дотронулась – и тут же отдернула руку. На темном дереве отчетливо проступили два слова:

Ложись спать!

Девочка попятилась, пока не уперлась спиной в прикроватный столбик. Буквы пропали.

Остаться тут расхотелось, но другого выхода все равно не было. Анна забралась в постель, укрылась одеялом, крепко прижимая к себе медведя и прислушиваясь к шорохам и скрипам старого дома.

Входная дверь сама собой распахнулась. На пороге сидела пушистая, черная с рыжими шерстинками кошка. Несколько минут она с ленивым презрением рассматривала темную переднюю, а потом соизволила переступить порог.

– Добр-рый вечер!

Ей никто не ответил, но кошку это не особенно смутило. Мягко переступая лапками, она миновала переднюю и остановилась перед скромной дверкой под лестницей. Человеку, чтобы войти в нее, надо было согнуться пополам. Кошка встала на задние лапы и тихо толкнула дверь. Та открылась с тихим скрипом.

Вниз вела крутая лестница – небольшие дощатые ступеньки, теснота, обшитые тесом и обмазанные глиной стены и потолок.

Снизу пробивался слабый розовый свет. Кошка побежала вниз, держа хвост трубой.

Там ее уже ждали. В просторной комнате со сводчатыми потолками на стенах мягким светом горели розовые свечи – числом ровно тринадцать. В центре комнаты стоял круглый стол, где в беспорядке были свалены раскрытые книги, рулоны исписанной бумаги, пучки птичьих перьев и сушеных трав, несколько чашек и кружек – некоторые наполнены темным варевом, – какие-то пузырьки и флаконы. Крупная серая крыса бегала среди всего этого развала, тыча носом туда-сюда. Ворона сидела, нахохлившись, на спинке стула, который занимала хозяйка дома, сестра Маргарита. Еще два стула были свободны. Кошка грациозно запрыгнула на один из них, оперлась передними лапками на край стола.

– Вы заставили себя ждать, сестра Виктория!

– Непр-редвиденные обстоятельства, – мяукнула та. – Интересный пер-рсонаж.

– Кто это?

– Так. Некто. Пришлось проследить. У вас все готово?

– Почти. Осталось разложить ингредиенты в нужном порядке и можно приступать.

– М-мр? – Кошка заглянула в раскрытую книгу и совершенно по-человечески захлопала глазами. – Вы все-таки решили воспользоваться этим рецептом? Но он же стар-рый!

– Старый, но никем не отмененный! – поджала губы хозяйка дома.

– И не нам переписывать науку, – пискнула крыса, которая как раз уселась возле одной из раскрытых книг на задние лапки и лихорадочно принялась умываться.

– Но вы подумали, что будет, если нас постигнет неудача? – поинтересовалась кошка.

– Что вы хотите этим сказать, Виктория? – нахмурилась сестра Маргарита. – Мы должны проверить, может ли девочка войти в наш круг, и чем скорее это произойдет, тем лучше!

Она строго оглядела собравшихся холодным взглядом пожилой учительницы.

– Не слишком ли она мала? – поинтересовалась крыса. – Сколько ей лет? Девять? Десять? Может быть, подождать?

– Ей недавно исполнилось двенадцать. В этом отношении она вполне созрела. И кроме того, сегодня подходящий лунный день. Следующий будет только в ноябре!

– Ладно-ладно. Давайте начинать, – отмахнулась лапой кошка и спрыгнула на пол, проворно забираясь под стол.

– Мы не будем ждать сестру Клар-ру? – поинтересовалась ворона.

– Она опаздывает. – Крыса потеряла мордочку лапами. – Опять опаздывает! Всегда опаздывает!

– Сейчас лето, – приглушенно донеслось из-под стола. – Сестру Клару в такую пору из леса на цепи не вытащишь. Тем более в лунный день! Управимся и без нее!

Крыса и ворона одна за другой спрыгнули на пол и нырнули под стол. Хозяйка дома осталась чинно сидеть на стуле, время от времени перебирая разложенные на столе предметы. Вроде все, что указано в рецепте, на месте.

Несколько минут спустя из-под стола, кряхтя, вылезли одна за другой три пожилые дамы – те самые, что несколько дней назад собирались ночью в городском парке. Сестра Маргарита быстро встала, отодвинула стул. В восемь рук, не говоря лишних слов, все четверо принялись разбирать на столе, раскладывая вещи не как попало, а в строгом порядке. Раскрытая книга. Череп. Кинжал. Две чаши – одна пустая, в другой настойка из девяти трав. Рядом, на равном расстоянии друг от друга, семь свечей. Четыре горят, три – нет. Перед одной из этих свечей – блюдце, где налита обычная вода.

– Готово? Можно начинать?

Женщины взяли за руки, встав вокруг стола. Несколько минут они стояли неподвижно, уйдя в себя и сосредоточившись, а потом одновременно запели, поднимая лица к темному потолку:

На дубу сидит сова,
Под дубом растет трава.
Знает вещая трава
Несказанные слова.
Как услышишь те слова,
Сразу никнет голова.
Ты ходи
И гляди –
Что там будет впереди².

Песня... Странно было услышать пение глубокой ночью. Анна распахнула ресницы и какое-то время лежала неподвижно, все еще находясь между сном и явью. Ей снился странный сон – она шла по густому лесу, еле касаясь ногами узкой тропинки. Кругом мелькали светлячки – словно сотни крошечных огоньков. Шелестела трава, ухали совы. В шорохе травы время от времени мерещились какие-то слова, будто лес пытался ей что-то сказать. Но стоило остановиться и прислушаться, как шепот превращался в бессмысленное: «Туш-ш-ш... Шии-и-и... Ш-шух-х-х... Ушш-шуш...» – и больше ничего. И стоило ей открыть глаза, как она сообразила, что в ночной тишине на самом деле звучит песня. И она о том же! О лесе, травах и голосах трав.

«Мне это мерещится, – подумала девочка. – Нет никакой песни. Мне просто приснился сон. Странный сон. Кому надо тут петь среди ночи?»

Она повернулась на другой бок, натянула одеяло повыше и попыталась заснуть.

Получилось плохо. Песня – вернее, мысли о песне – не давали сомкнуть глаз. Она звала выбраться из теплой постели и идти туда, где слышатся голоса. Что происходит в этом доме? Прошлая ночь была тихой и спокойной. А сейчас... Сейчас откуда-то доносятся странные звуки. Кроме отголосков песни слышны шаги, скрип, шорохи...

Неожиданно в памяти всплыла та последняя ночь, когда погибли ее родители. Тогда тоже слышались шаги и шорохи. К папе и маме пришел *он*. А что, если это случится опять? Что, если *он* явится и за тетей Маргаритой?

Сказать по правде, Анна не любила тетю. Но она была единственным близким человеком. Что будет с девочкой, если так же таинственно умрет еще и она?

Затаив дыхание, Анна выбралась из постели. Ей вдруг стало жутко в этой чужой комнате, словно в ловушке. Дом издавал странные звуки. Пахло чем-то непонятным. Девочка потянула носом. Кажется, что-то горит? Как будто жгут перья или шерсть? Но дыма нет.

² Здесь и далее в тексте стихи автора.

Девочка села на постели, свесив ноги. Под кроватью что-то стукнуло, как будто маленький зверек, пробегая, задел валявшуюся деревянную игрушку.

– Ай!

Анна поджала ноги, отползая от края подальше.

Что-то хрустнуло в дальнем углу. Девочка вздрогнула. Очень хотелось чем-нибудь запустить, и она, не задумываясь, схватила за уголок подушку и швырнула ее в угол. Мягкий снаряд врезался в стену и остался лежать в углу светло-серым пятном.

Дальше находиться в комнате расхотелось. Мелькнула мысль отыскать спальню тети и попроситься к ней. Не прогонит же она двоюродную племянницу? А тут одной так жутко! Даже объятия плюшевого медведя не спасают.

Она тихо сползла с кровати, чуть не завопив с перепуга, когда нащупала босой ногой домашнюю туфлю, отороченную мехом. Тихо, на цыпочках, прокралась к двери. Протянула руку, самыми кончиками пальцев дотронулась до деревяшки...

И дверь плавно подалась под рукой, распаиваясь совершенно бесшумно, словно именно в эту секунду кто-то с той стороны потянул ее на себя.

Затаив дыхание, девочка переступила порог.

Тьма обняла ее, густая, липкая тьма. Неясным серым пятном выделялось окно в противоположном конце коридора, но до него еще надо было дойти. И где искать комнату тети? Вчера Анна забыла об этом спросить. Запомнила лишь, что жилые комнаты находятся на третьем этаже в основном здании и на втором этаже флигеля. Она на третьем. Значит, надо обойти сначала весь третий этаж, а потом спуститься вниз? Лестница, кажется, в конце коридора.

Стараясь производить как можно меньше шума, девочка пошла вперед. Тьма кралась за нею по пятам. Тьма дышала в затылок, поскрипывала половицами и потолочными перекрытиями под чьими-то шагами. Очень хотелось обернуться, но шея словно одеревенела.

Погруженный в темноту дом казался бесконечно огромным. Длинный темный коридор тянулся и тянулся. Анна прошла мимо четырех или пяти дверей, ведущих в запертые комнаты. Везде тишина. Даже песня – ее путеводная нить, заставившая вылезти из постели, – пропала. Только ее собственное дыхание, скрип половиц под ногами и шорох шагов. Чьих-то чужих шагов.

Прижимая к себе медведя, Анна кралась по дому, внезапно ставшему таким огромным. Накануне она очень быстро нашла свою комнату, не успев изучить третий этаж, и теперь не понимала, откуда взялся этот длинный коридор. Может быть, повернуть назад? Но как? Даже обернуться через плечо нет сил. Словно невидимая рука сжимает шею, заставляя идти все вперед и вперед.

Поворот. Что там, за углом? Все те же тишина и темнота.

Шаги. Кто-то действительно шел за нею по пятам. Анна не могла ошибиться, не могла принять этот легкий скрип за собственные шаги. Она замерла на месте, едва дыша, крепко зажмурившись и сквозь стук крови в ушах слыша тихий скрип старых половиц под чьими-то ногами. И дыхание. Кто-то очень хотел остаться незамеченным и дышал осторожно, через раз. Но в кромешной тишине его осторожные вздохи звучали на удивление громко – как будто он уже стоял за спиной.

Он совсем близко. Кажется, на расстоянии вытянутой руки. Что делать?

Анна решила и обернулась.

Никого. Глаза ее немного привыкли к темноте, но девочка не увидела совершенно ничего. Только пропадающий во мраке коридор и черные пятна дверей. А тот светлый силуэт вдали – это окно. В конце коридора, в двух шагах от двери в ее комнату, тоже было окно. И больше – никого и ничего. Только тихие шаги. И неровное дыхание. Но если окно сна-

чала было впереди, а теперь оказалось позади, то в какую же сторону она шла? И куда идти теперь?

Шаги приближались из той части коридора, которую она миновала. Анна смотрела прямо туда и ничего не видела. Хотелось закричать от ужаса, но язык прилип к нёбу, а в горле пересохло. Анна только тихо захрипела. Собственный голос показался ей настолько чужим, что она едва не потеряла сознание.

Рядом что-то шевельнулось. Не близко, шагах в десяти за спиной. Кто-то или что-то еще шагало по дому, время от времени распахивая двери в соседние комнаты. Этот кто-то или что-то искал ее, Анну. Если бы не тишина, она бы так и не услышала, что по дому ходят посторонние. А если это действительно *он*, убивший маму и папу и явившийся за нею? Что она такого сделала? Она же ничего не знает, ничего не видела, ничего не помнит... Или *он* убивает всех, кто что-то знает о *нем*? Тогда в опасности может оказаться и тетя?

Тихо-тихо, боясь вздохнуть, Анна бочком скользнула за угол. Надо постараться найти тетю, успеть ее предупредить. Это ее дом, она должна знать, как его защитить.

Девочка сделала всего пять или шесть шагов, как скрип половиц под невидимыми ногами возобновился. Кто-то не просто услышал ее, теперь он следовал за девочкой и понемногу ее нагонял. Он буквально шел по пятам. Надо было спрятаться.

Лестница распахнула перед нею свой черный зев. Внизу был такой полный, такой густой мрак, что идти не хотелось. Но то, что надвигалось из-за спины, было еще страшнее. Скрип шагов сводил с ума. Стиснув зубы, чтобы не кричать, Анна нащупала деревянные перила. Коснулась носком домашней туфли ступеньки. Помедлила, плавно перенося вес тела. Тихий хруст. Ничего. Может, обойдется?

Вторая ступенька. Третья. Четвертая. Совсем бесшумно двигаться не получалось – старый дом сопротивлялся ей. Рассохшиеся ступеньки хрустели и поскрипывали под ногами. Казалось, совсем немного, но для перепуганной девочки каждый шорох казался грохотом обвала.

На тринадцатой ступени лестница неожиданно кончилась. И, сделав еще несколько шагов, Анна неожиданно для себя оказалась в огромной комнате. Высокий потолок поража́л воображение – прямо не комната, а бальная зала какая-то. Темными пятнами вдоль стен выделяется мебель – пара диванов, камин, бюро. В центре – длинный стол и несколько стульев вокруг него. И пять светлых прямоугольников больших окон, сейчас завешанных плотно сомкнутыми шторами.

Шаги звучали уже на лестнице – тот, кто шел за нею по пятам, не считал нужным таиться. Старые ступеньки поскрипывали и постанывали. Слышалось неровное прерывистое дыхание. Вот сейчас он спустится и увидит девочку.

Надо спрятаться, но куда? За штору? Глупо. Увидит, почувствует ее колебание. Под стол? Еще хуже. Там она как на ладони. За диван? Не пролезть. А вон, кажется, дверь? А что, если это та самая дверь с медным замком, которую ей нельзя открывать? Но сейчас ей было так страшно оставаться на месте, что о запрете даже не думалось.

Анна на цыпочках бросилась туда и едва не застонала от разочарования. Это действительно была самая обычная дверь, без замка, но вела она в крошечную комнатку, где стояли несколько поставленных друг на друга стульев, три манекена и большой трехстворчатый старинный шкаф. Гардеробная? Комната портнихи? Но выбирать не приходилось. Девочка тихо потянула на себя одну створку шкафа, и она отворилась удивительно легко, без малейшего звука. Забраться внутрь в пахнущее мышами, нафталином, старыми мехами и пылью нутро было делом одной минуты. Анна прикрыла створку и заби́лась в угол, замерла, одной рукой прижимая к себе плюшевого медведя, а другой пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

Шаги. Ее преследователь добрался до большой комнаты. Было слышно, как он ходит там, как направляется в ее сторону... Анна изо всех сил, до привкуса крови, до головокружения и рези в глазах зажмурилась, прикусывая нижнюю губу. Вот сейчас он откроет дверцу шкафа. Она распахнетя совершенно бесшумно, и внутрь заглянет... *Он!* Тот самый, похожий на покрытого шерстью слона с длинным хоботом и горящими глазами.

Шаги остановились возле шкафа. Сквозь шум в ушах девочка услышала, как чья-то рука погладила дверную ручку. Неприятный звук – словно шуршит по песку змея. Девочка никогда не слышала, как шуршит змеиная чешуя, но подумала, что именно так. Кто-то тяжело, прерывисто вздохнул.

– *Не бойся!*

Мягкий голос был незнаком. Он не мог принадлежать ее тете. Вряд ли, если уж на то пошло, Анна могла бы легко определить, кто это человек – если *он* был человеком вообще. Но необычная мягкость и нежность поразили девочку настолько, что она распахнула глаза, уставившись в кромешный мрак шкафа, и почти увидела – вернее, подумала, что увидела – чью-то неясную тень, стоявшую с той стороны. Призрачная рука касалась дверной ручки.

А потом послышался скрежет. В замок шкафа вставили и дважды провернули ключ.

– *Не бойся*, – повторил тот же голос.

И наступила тишина. Такая полная, звенящая, жуткая тишина, что Анна не сразу сообразила, что случилось.

Ее заперли!

Кинувшись к двери, она закричала что было сил, но из сухого горла вырывались только сдавленные хрипы и жуткие каркающие звуки пополам с кашлем. Анна толкнула дверь, дернула ее, впиваясь ногтями в щель, несколько раз стукнула по ней – сперва ладонью, потом кулаком. Закричала опять – безрезультатно. Дом – огромный, чужой, страшный дом – и его обитатели не слышали перепуганную девочку.

Песня смолкла. Наступила тишина. Взявшись за руки, четыре женщины смотрели друг на друга. Потом они все разом обернулись к входу, прислушиваясь.

– Ну? – нарушила молчание сестра Виктория.

– Ничего не понимаю, – подумала вслух сестра Маргарита. – Должно было сработать!

Все четверо обернулись на дверь, ведущую в эту комнату. Несколько минут назад она должна была распахнутья, и девочка, зачарованная колдовской песней, переступила бы порог. Но ничего не произошло.

– «Должно!»! – передразнила хозяйку дома сестра Виктория. – А вот не сработало!

– Почему? – Сестра Маргарита взяла раскрытую книгу, вчиталась в строки, перелистала несколько страниц вперед и назад. – Мы все делали правильно!

– Значит, не все!

– Конечно, не все! – Третья женщина, с горбатым носом, больше похожим на птичий клюв, передернула плечами. – Нас только четверо. Если бы сестра Клар-ра хоть ненадолго отвлеклась от своих травяных сборов, у нас все бы получилось!

– А может быть, дело в девочке? – невинным тоном поинтересовалась четвертая из присутствующих, низенькая неопрятная женщина неопределенного возраста, в лице которой было что-то крысиное. – Может, она слишком юна? Я предупреждала! Двенадцать лет – еще не возраст! Может, стоило бы подождать? Хотя бы год? Кое-кто предполагал, что у вас ничего не получится! Она не умеет *видеть* и *слышать*!

– «Подождать»! – теперь уж ее передразнила сама Виктория. – Мы и так ждали слишком долго. Сколько лет прошло с тех пор, как обрели четвертую Печать? Почти сорок!

– Сорок три года, – уточнила сестра Маргарита. – Как раз в тот год вы, сестра Агата, и вступили в нашу семью.

– Вот только не надо напоминать мне о моем возрасте! – взвилась та самая, горбоносая, которую только что называли Агатой. – Особенно если вспомнить, что вы сами, *сестр-рица*, нашли свою Печать почти пятьдесят четыре года тому назад! И мне, если уж на то пошло, к тому моменту обретения четвертой Печати уже исполнилось четырнадцать лет.

– Вам, сестра Агата, в тот день было без малого шестнадцать! – вступила в беседу женщина с крысиным лицом. – Не убавляйте свои года, здесь все свои. Не перед мужчиной каким-нибудь кокетничаете чай!

– А вам, милая сестрица, накануне того знаменательного дня исполнилось тридцать пять лет! – парировала сестра Агата, задетая за живое. – Так что вам бы лучше тоже помолчать!

– Это вам бы помолчать, Агата! Помяни мое слово – не всегда ты будешь молоденькой! Придет твое времечко...

– Не раньше, чем тебя, крыса тощая, на помойку снесут! Все не можешь забыть, как я Ксения Кириевича на прошлом шабаше у тебя отбила? – усмехнулась Агата. – А он-то знает, как ты на самом деле выглядишь! Под чарами не скроешься!

– Ах ты подлая! Ворона недощипанная! – взвилась ее товарка. – Да я тебя...

Она ощерилась, как настоящая крыса, и через стол с удивительным проворством кинулась на Агату. Сестра Маргарита не успела и пальцем шевельнуть, чтобы ее утихомирить. Ругаясь на чем свет стоит, две ведьмы покатались по полу, норовя выдрать друг у друга волосы и расцарапать лица. Хозяйка дома кинулась было разнимать дерущихся, но в результате перепало и ей.

– Тише, сестры, тише! – Сестра Виктория отложила книгу и поспешила остановить начавшуюся свару. Достаточно было стукнуть кулаком по столу, чтобы спорщицы отпрянули друг от друга, шипя сквозь зубы и сжимая кулаки. – От того, что мы сейчас между собой переругаемся, хорошо никому не будет! Двенадцать лет – действительно слишком малый возраст для того, чтобы девочка вполне почувствовала спящие силы. Да и вряд ли у нее достанет ума оценить ответственность и важность возложенной на нее задачи. В этом возрасте силы только начинают просыпаться. Если бы ее мать, – последовал уничижительный взгляд в сторону сестры Маргариты, – не убежала из дома и не употребила свой дар исключительно для того, чтобы замести следы, пятая Печать была бы уже у нас. И мы могли бы спокойно потерпеть несколько лет, обучая эту девочку и дожидаясь удобного момента, чтобы отыскать шестую. А седьмая, как и было предсказано, сама пришла бы к нам в руки без особых усилий. Но это судьба, тут ничего изменить нельзя.

– Значит, будем ждать? – поинтересовалась сестра Агата. Она уже успокоилась и взирала на свою соперницу с гордым видом.

– Вы, «милая» сестра, можете ждать, – ответила та, скорбно поджав губы. – А как быть нам? Мне уже почти семьдесят девять. Шестьдесят семь лет назад именно я отыскала и добыла вторую Печать. И мне тогда уже исполнилось двенадцать лет! И я, несмотря на свой юный возраст, все-таки справилась с заданием, в то время как эта девочка...

– Не забывайте, что эта девочка – единственная дочь *единственной дочери!* – прошипела сестра Маргарита. – Вы, сестра Устина, не знаете, какие в ней скрыты силы. Они пробудятся, когда настанет срок!

– Когда только он наступит... – проворчала та, которую называли сестрой Устиной. – Мы можем ждать сто лет! А время идет. И, кто знает, не найдут ли пятую Печать до нас. Тогда все старания насмарку! Наша семья столько лет была на хорошем счету. Мы не можем допустить того, чтобы из-за какой-то глупой необученной девчонки все наши труды пошли прахом.

– Я подумаю, что мы можем сделать, сестра, – успокоила ее сестра Виктория. – В крайнем случае попрошу совета у Ксения Кириевича и сделаю так, как подскажет он. Пятая печать как можно скорее должна оказаться у нас!

Глава 3

Незванный гость остановился перед оградой и какое-то время просто любовался на старое заросшее кладбище.

Такие кладбища есть в каждом маленьком городке с большой историей – на нем перестали хоронить уже более полувека, и лишь время от времени отворяют старинные склепы. Да и то, если находятся дальние родственники, которые возжелают непременно упокоиться рядом с предками. Как правило, это достаточно богатые и одинокие старики, последние представители ныне угасших фамилий, которым все равно иначе некуда деваться. Старинный храм, построенный, наверное, лет четыреста, если не пятьсот тому назад, виднелся за деревьями, но вот уже миновало почти два десятка лет, как смолк колокол, и службы тут больше не проводились. Оставленное без надлежащего присмотра и даже без сторожа кладбище постепенно дичало. Над многими старыми могилами шелестели листвой клены, рябины, тополя. Могилы зарастали травой и бурьяном. На дорожки напозлазили плети ежевики и тянул колючие ветки шиповник, в трещинах каменных склепов пускали корни деревья, разрушая семейные усыпальницы, многие из которых уже были давно и прочно забыты.

Каменная, выкрашенная известью ограда была высотой примерно по пояс. По верху шел ряд кованых прутьев – решетка. Калитка с облупившейся краской была приоткрыта, да так и осталась распахнутой на проржавевших петлях.

Юлиан Дич стоял долго. Он пришел сюда уже в сумерках, но все равно какое-то время подождал, время от времени прислушиваясь к городским шумам. Городок постепенно затихал, но гость все равно медлил. Он не для того ехал через всю страну, чтобы спешить и делать ошибки.

Наконец вдали, на церковке, что стояла на площади у перекрестка, послышался мерный колокольный звон – там завершилась вечерняя служба. Негромкие мягкие звуки плыли по воздуху, и каждый невидимой волной ударял в грудь, вызывая странное чувство покоя. Молодой человек прикрыл глаза, несколько раз глубоко вздохнул, успокаивая разум. Когда с последним ударом соборных часов он распахнул ресницы, мир вокруг него изменился. Все стало черно-белым, мир окрасился во все оттенки серого. Предметы стали легкими, невесомыми и удивительно хрупкими, словно нарисованными на листах папиросной бумаги. Человек осторожно сделал шаг вперед. Калитка проскользнула мимо, словно была лишь декорацией, которую меняют на сцене театра.

Он тихо пошел по гравийной дорожке, которая уже начала зарастать по бокам. Стебли ползучих растений спешили погresti ее под собой. Многие надгробные плиты и ограды покосились, на них облупилась краска, некоторые покрывала ржавчина. Камни были покрыты пятнами лишайника и нашлапками мха. Сорная трава вставала стеной – редко можно было встретить могилу, где бурьян, крапиву и прочую траву убирала. Вялые кучи зелени валялись тут же, возле дорожки и между могил, отмечая те захоронения, о которых еще не забыли. Густо, мешая друг другу и переплетаясь ветвями, разрослись сирень, шиповник и терн. Тут и там высились стволы можжевельника, тиса, берез, кленов.

Юлиан шел медленно, как человек, который боится пропустить каждую мелочь. Он вертел головой из стороны в сторону, иногда приостанавливался и внимательно всматривался в серую муть летних сумерек.

На периферии зрения возникло цветное пятно. Юлиан осторожно повернул голову, фокусируя взгляд на женской фигуре в голубом платье старинного покроя. Такие были в моде где-то двести лет тому назад, причем даже не здесь, а в Ляхии. Да, точно. Двести лет назад как раз и прогнали ляхскую династию Мнишеков, короновав своего, российского царя, по материнской линии принадлежавшего к древней княжеской династии Раро-

жичей. Незнакомка стояла возле красивого надгробия, изображавшего коленопреклоненного ангела. Такие памятники тоже были следствием ляхского влияния. Склонив головку набок, молодая женщина наблюдала за человеком. Их взгляды встретились, и на лице незнакомки мелькнуло изумление. Юноша поклонился.

– *Доброй ночи*, – произнес он на мертвом языке.

– *И тебе... Ты можешь видеть?*

– *И слышать*. – Юлиан повторил поклон. – *И мне вдвойне приятно видеть и слышать столь очаровательную особу.*

– *Благодарю за лестные слова.*

Рядом задвигалась еще одна разноцветная тень, ярко выделяющаяся на сером фоне «обычного» мира – на сей раз пожилой полный мужчина в военном мундире, грудь которого украшали вместо орденов ярко раскрашенные жестянки. Видимо, родственники пожалели класть боевые награды в могилу вместе с прославленным покойником.

– *Что вы здесь делаете?* – воинственным тоном поинтересовался он.

– *Кое-кого ищу*, – любезно ответил гость.

– *Ваш предок?* – Тон военного несколько смягчился.

– *Да. Почти. Боковая ветвь рода.*

– *Кто это? Я, кажется, всех здесь знаю...*

– *Ну уж и всех!* – послышался третий голос, и старуха в темном платье и с длиннющей накладной косой на голове возникла на дорожке. – *Вы были мальчиком, когда мои старые кости упокоились в фамильном склепе! Уж кому бы и знать, как не мне.*

– *Всех, сударыня, может знать только старейший из нас*, – скромно промолвила молодая женщина. – *Тот, чьи кости первыми легли в эту землю.*

– *Где он?* – Юлиан с любопытством завертел головой.

Но хотя к ним за время беседы присоединилось еще несколько теней, они молчали и лишь качали головами, отказываясь вступать в разговор.

Военный и старуха одновременно сделали приглашающий жест, предлагая гостю пройти дальше по дорожке. Он последовал в указанном направлении. Несколько теней потянулись за ним. Жизнь на кладбище, как это знают многие, скучна и однообразна. И появление любого постороннего и просто нового лица – всегда яркое событие. Особенно на таких старинных кладбищах, где давно уже никого не хоронят и где все друг друга знают.

Призраки проводили человека до входа в старый храм. Еще недавно в нем совершали богослужения, но с тех пор, как кладбище закрыли, на площади завершили строительство нового собора, а на другом конце города появилось новое кладбище, кладбищенскую церковь забросили. Последний священник еще какое-то время продолжал молиться практически в одиночку – до тех пор, пока его бранные останки не обнаружили тут же, лежащими у алтаря, как-то по весне.

Его тень и теперь топталась у алтаря, готовясь к вечерне. Призрак устанавливал и зажигал невидимые свечи, раскрывал невидимый требник, набрасывал на плечи невидимую епитрахиль. Он сразу почувствовал появление посторонних и стремительно обернулся.

– *Братья и сестры*, – в голосе зазвучала неприкрытая радость, – *вы пришли послушать проповедь о пользе...*

Он осекся, заметив среди своих соседей по кладбищу живого человека. Тот спокойно подошел и опустился перед священником на одно колено, обнажив голову:

– *Благословите, святой отец!*

Призрак растерялся. С тех пор, как без малого тридцать лет назад его дух отделился от тела, он впервые слышал подобную просьбу. Покойники не так религиозны, как о них принято думать живым.

– *У вас есть разрешение?*

– А... – Юлиан несколько смутился, – *это обязательно?*

Ему несколько раз уже приходилось иметь дело с призраками, в том числе и с призраками покойных священников, и посещать заброшенные церкви, но о подобном он слышал впервые в жизни.

– *А как же? Вы находитесь на запретной земле! То, что вы можете видеть и слышать, еще не дает вам права просить и спрашивать!*

– *Я ищу останки старейшего из тех, кто похоронен на этом кладбище. Мне нужно с ним поговорить.*

– *Зачем он вам?* – Призрак священника и вида не подал, что удивился странной просьбе. Зачем еще живые приходят на кладбища, если не общаться с мертвыми?

– *Я ищу моего родственника. Князя Мартина Дебрича. Он мог бы знать...*

Словно ветер пронесся по часовне – столпившиеся за спиной призраки отпрянули в разные стороны.

– *Какое имя ты назвал?* – прозвучал в напряженной тишине голос священника.

– *Мартина Дебрича. Его род когда-то вышел из этого города.*

– *Мы не знаем никакого Мартина Дебрича. Таких здесь нет!*

Человек был готов к такому ответу – он был готов к любому повороту дела! – и спокойно произнес:

– *Я имею право знать. Мое имя – Юлиан Дич. Я – из боковой ветви рода Дебричей и хотел бы...*

– *Мы повторяем,* – священник был непреклонен, – *здесь нет никого, носящего это имя!*

– *Здесь, может быть, и нет.* – В конце концов, многие из рода князей Дебричей упокоились не на городском кладбище Дебричева. – *Но там, по ту сторону...*

– *Нет! И тебе лучше уйти и не смущать нас упоминанием этого имени!*

– *Но почему?* – Юлиан бросил взгляд по сторонам. Проникшие в развалины часовни призраки снова приблизились и теперь обступали его плотной стеной. Где-то там, среди них, был и старейший, но не желал обнаруживать свое присутствие.

– *Это имя проклято и забыто! Уходи!*

– *Уходи! Уходи! Уходи!* – зашелестели призраки, подступая все ближе. Они не толкали друг друга локтями, не пытались протиснуться в первые ряды – они просто сливались, соединяясь в одну пятнистую стену.

Юлиан попятился. Против одного, двух или даже трех призраков он бы устоял, не дрогнул, но когда против него вышло, казалось, все кладбище...

– *Я только хотел узнать... помочь...*

– *Нет! Нет! Уходи!*

Ему оставили свободным проход на улицу. Ничего не оставалось, кроме как воспользоваться нелюбезным приглашением.

– *Вы так и не хотите узнать, что я собираюсь сделать?* – совершил человек последнюю попытку.

– *Мартин Дебрич проклят! Проклят! Таким нет места среди нас!* – загомонили призраки.

– *Тут собрались порядочные покойники, а никак не преступники, осужденные свыше!* – сварливым тоном рыночной торговли откликнулась одна женщина в строгом платье вдовы.

– *Знаю,* – Юлиан сделал еще шаг назад. – *И я всего лишь хотел...*

– *Убирайся!* – грянул хор голосов.

Было еще одно средство, и работа в Третьем отделении давала ему такую возможность. Можно было уйти сейчас, чтобы вернуться с опытным экзорцистом. Эти призраки явно чересчур долго задержались на границе между миром живых и миром мертвых. Им всем

давно пора отправиться за Грань, а они почему-то находятся тут. Им всем можно было предъявить обвинение в нарушении режима проживания и просто-напросто вышвырнуть в потусторонний мир, отговорившись тем, что подобное может представлять опасность для живых людей. Если пригрозить высылкой за Грань, они могут стать сговорчивее и расскажут о том, что это за тайна окружает имя Мартина Дебрича. Но Юлиан не хотел этого. Тоньше надо действовать, тоньше. Между миром живых и миром мертвых очень тонкая граница. Любая паутинка по сравнению с нею – толста, как якорный канат. Но кое-что он уже узнал.

Почтительно поклонившись призраку священника и осенив себя крестным знамением, он направился к выходу, чувствуя, что призраки стоят плотной стеной и смотрят ему вслед. Неприятное ощущение.

Он шагнул в ночь – и почувствовал, как на плечо опустилась холодная рука. Медленно обернулся – и не удивился, увидев седовласого мужа в старинном платье. Вспомнил, что этого призрака не было в приведшей его сюда толпе.

– *Приходи днем.*

Не прибавив более ни слова, седовласый растаял, слившись тенью с остальными.

Больше всего на свете Анна боялась, что тетя станет ее ругать, когда обнаружит в шкафу. Но едва увидела выражение ее лица, как сразу забыла все свои страхи.

– Девочка моя! – Тетя Маргарита подхватила ее в объятия. – Как ты здесь оказалась?

– Я не знаю. Я проснулась... мне стало страшно. Я слышала какую-то песню...

– Песню? – перебила тетя. – Ты ее помнишь?

– Нет, – отчего-то испугалась девочка. – Мне стало страшно. Я пошла к вам и... заблудилась. А потом оказалась тут.

Она боялась, что тетя станет расспрашивать подробности, то та молчала. Крепко взяла девочку за руку и отвела ее на кухню.

Там Анна еще не была ни разу и с удивлением осматривалась по сторонам. Эта кухня сильно отличалась от кухни у нее дома. Несмотря на то что в ней было три окна, здесь царил полумрак. В одной стене помещался камин такой просторный, что в нем, казалось, можно было зажарить свинью целиком. На железном штыре висели три котла – один большой и два поменьше. Рядом стояла старая плита, по другую сторону от камина – большой ларь и буфет. Еще несколько ларей и сундуков выстроились вдоль стен. По стенам висели полки с посудой и многочисленными горшочками, на которых белели этикетки. Середину занимал длинный стол, вокруг которого стояло пять стульев с высокими спинками. На столе обнаружился готовый завтрак – горячая каша, порезанный ломтями пирог, кружки.

– Овсянка, – сообщила тетя. – Ты будешь есть овсянку?

Анна кивнула. Она только сейчас сообразила, как проголодалась.

– Пирог с яблоками. Кофий с молоком, – перечислила остальное тетя Маргарита. – Я живу скромно. Все мои средства уходят на то, чтобы содержать этот огромный дом, так что на разносолы почти не остается средств. Но, думаю, того, что оставили твои родители, нам может хватить, чтобы оплачивать хотя бы твое обучение.

Девочка принялась за еду. Тетя сидела напротив, маленькими глотками пила горячий кофий, иногда отщипывая кусочки от своей порции пирога.

– Я ем очень мало, – пояснила она. – В моем возрасте уже можно ограничивать себя в пище. Это тебе надо расти. Так что ешь, ешь! Ты должна все это съесть!

Анна отправила в рот еще одну ложку. Овсянки было много. Дома она столько никогда не съедала за один раз. Мама вообще редко утруждала кухарку приготовлением завтрака. По утрам она часто предпочитала простой чай с булочками и сыр. Мама... При мысли о ней горло сдавил спазм, и порция овсянки застряла на полпути.

– Что ты хочешь на обед? – отвлек ее голос тети.

Анна попыталась что-то сказать, но подавилась. Девочка захрипела, чувствуя подкашивающую к горлу тошноту, закашлялась – и тут же что-то мягкое решительно шлепнуло ее между лопаток.

– Пошел вон, – тихо, но твердо произнесла тетя.

От неожиданности Анна перестала давиться кашей и стремительно обернулась. Никого. Кухня была пуста. За ее спиной был только ларь, над которым на полке красовались несколько пузатых глиняных горшков, расписанных узорами. Дверь была чуть приоткрыта, но ведь они сами не захлопывали ее!

– Что это? – прошептала она.

– Где? – Тетя пила кофе. – Не обращай внимания! Все в порядке! Так что ты хотела бы на обед? Можно сварить луковый суп или простую похлебку из овощей. Или куриный бульон? Выбирай!

Но Анна сейчас не могла думать о еде.

– Скажите, тетя, а в доме еще кто-нибудь живет? – поинтересовалась девочка. – Кроме нас? Вы говорили, что тут есть прислуга...

– Забудь о ней. Тут только мы вдвоем.

– Но я сама слышала... голос...

Где-то поблизости – на кухне, у самого порога! – кто-то тихо вздохнул.

– Вот! Опять! Вы слышали, тетя?

– Ты еще здесь? – Та и ухом не повела. – Я тебе что сказала? Пошел вон!

– Тетя? – взвизгнула Анна. – Вы с кем сейчас разговаривали?

– Не обращай внимания, девочка моя. – Пожилая дама улыбнулась. – Тебе послышалось! Такое потрясение... Дом старый. Тут постоянно скрипят половицы, гуляет сквозняк, проседают перекрытия, а кажется, будто кто-то ходит... Когда я сюда приехала, мне сначала казалось, что под полом воет собака. Ночью я боялась сомкнуть глаз. Мой покойный супруг так смеялся над моими страхами! Когда осталась одна в этом жутком доме, я его сначала очень боялась и в конце концов выдумала эту невидимую прислугу, которая отлично все умеет делать, прекрасно вышколена и умеет не попадаться на глаза.

Почему-то в такое объяснение верилось с трудом. Ясно же, что тетя что-то недоговаривает!

– А тут. – Анна покосилась на дверь. Она же ясно слышала вздох, донесшийся от порога! – А тут водятся привидения?

– Нет! – последовал категоричный ответ. – Что им тут делать? Аннушка, привидения водятся там, где есть покойники! А отсюда до кладбища очень далеко! Тебе все послышалось! Доедай кашу, а то остынет! И я же тебе объяснила все про мою выдумку. С чего ты взяла, что тут вообще должны быть привидения?

– А с того, – Анна послушно взялась за ложку, – что вы сами мне недавно говорили что-то про комнату, запертую на медный замок...

– Понимаю, о чем ты, – отмахнулась тетя Маргарита. – Со стороны кажется, что это – что-то вроде сказки про замок Синей Бороды – мол, если отопрешь, то смерть тебе! Дверь, запертая на медный замок, тут действительно существует, но это совсем другая история. И когда-нибудь я ее тебе расскажу. Попозже, – ушла она от ответа.

– А еще вы только что сказали кому-то: «Пошел вон!»

Девочка ужасно боялась, произнося эти слова. На миг представилось, что тетя сейчас на нее накричит – у нее стало такое лицо! – но минуту спустя пожилая дама улыбнулась как ни в чем не бывало:

– Вот в чем дело... Это опять мои собственные страхи. Я же говорила тебе, что жутко боялась этого дома, когда сюда переехала. И решила, что каждый раз, когда мне что-то помешит, буду говорить ему «пошел вон».

– Кому – «ему»?

– Своему страху, разумеется! Попробуй сама! Скажи: «Пошел вон!» Только громко и четко, чтобы твой страх понял, что ты совсем-совсем ничего не боишься! Представь, что тебе надо прогнать нерадивого слугу. Ну или надоевшую собаку...

Легко сказать! Дома ни папа, ни мама никогда не прогоняли старика Парфена, не ругались на придурковатого сына кухарки и не кричали на горничных. Но Анне так не хотелось огорчать тетюшку, что она зажмурилась и громко крикнула:

– Пошел вон!

Ничего не произошло.

– Ну как? – Тетя испытующе смотрела на нее. – Легче стало?

Чтобы не огорчать никого, Анна кивнула.

– Хорошо. Теперь можешь сходить погулять! Погода хорошая.

Девочка с удивлением уставилась на пожилую даму. Погулять? Одной? Раньше ей такого не позволяли.

– Иди-иди. С тобой ничего не случится!

Анна посмотрела на окна. Снаружи был солнечный день – заканчивалось лето. На улице сейчас тепло, привольно. Не то что в этих мрачных стенах, где постоянно что-то скрипит, шуршит, хрустит и стонет. Может, и правда тут все настолько старое. А может быть, тут все-таки есть привидение. Только тетя почему-то про него ничего не знает и все твердит про дверь с медным замком. Но кто повернул ключ в замке, когда девочка залезла в шкаф? Кто ей сказал: «Не бойся?» И откуда на двери ее комнаты вчера появились слова «ложись спать»? Столько вопросов и ни одного ответа!

– Я буду у крыльца. – Девочка допила молоко и сползла со стула.

– Пирог возьми, если вдруг проголодаешься. – Тетя Маргарита все сидела за столом. – И не бойся ничего! С тобой ничего не случится! – повторила она. – За тобой присмотрят!

Значит, у нее будет няня? Девочка вышла в переднюю – ту самую, которая так напугала ее накануне вечером. Сейчас тут было значительно светлее – утреннее солнце било прямо в четыре узеньких окошка, да и входная дверь гостеприимно приоткрыта, – и она сразу увидела...

– Ой! Мама! То есть тетя!

– Ну чего еще? – Пожилая дама не спеша привстала.

– Картина! Тут портрет висел вчера, – Анна указала на совершенно пустую стену. – А теперь его нет! Почему?

Рядом кто-то вздохнул, но на сей раз девочка не обратила на вздох внимания – она прислушивалась к словам тети:

– Почему? Он тебя так напугал, что я решила его убрать в чулан, вот почему!

Еще один вздох. На сей раз в нем явственно звучало сомнение. И лестница чуть скрипнула, как будто кто-то переступил со ступеньки на ступеньку. Нет уж! Место жуткое! Уйти отсюда!

Быстро переодевшись, Анна вышла на крыльцо и осмотрелась.

Двор перед домом зарос сорной травой. Только утопанные земляные дорожки прорезали травяное поле. Одна широкая, посыпанная гравием, шла к калитке, а другая, узкая, огибала дом и сворачивала куда-то на зады, обходя сарай и небольшой, но весьма солидный огородик. Слева за забором стеной вставали ивы и вязы, за ними поблескивала речка. Справа, занимая все пространство до соседского забора, раскинулся старый запущенный сад. Во дворе росло несколько старых развесистых деревьев и кусты сирени. Одно дерево, кривое, словно больное и почти сухое, выросло как раз напротив кухонных окон. То самое, которое напугало девочку в день приезда. Оно тянуло к окнам свои корявые ветки-руки, почти касаясь стекол. Более уродливого дерева Анна в жизни не видела. Мама бы сразу

постаралась избавиться от него. Мало того что в доме вечно что-то чудится, так еще и снаружи...

– Ча-ча-ча! – раздалось над головой.

Девочка посмотрела. На крыше крыльца сидела сорока и, склонив голову набок, внимательно смотрела на нее. Заметив взгляд ребенка, птица без страха спланировала на дорожку и, покачивая хвостом, запрыгала по ней.

– Ты здесь живешь?

Сорока посмотрела на нее блестящим глазом:

– Ча-ча-ча!

– Тут кошка ходит, – сказала Анна. – Соседская. Будь осторожна. Кошки ловят птиц!

Сорока насмешливо застрекотала и запрыгала по дорожке, ведущей за дом.

И неожиданно девочке стало так любопытно узнать, что же там, за домом, что она напрочь забыла и все свои страхи, и желание быть послушной, и даже интерес к улице в двух шагах от калитки куда-то испарился. «С тобой ничего не случится!» – всплыли в памяти слова тети Маргариты, и Анна пошла по узкой дорожке вслед за уже скрывшейся за углом сорокой.

Юлиан решил, что полдень – самое подходящее время для повторного визита на кладбище. Утро он потратил на то, чтобы навестить городской собор, под плитами которого не так давно упокоился последний прямой потомок рода князей Дебричей. С его смертью род прекратил свое существование – остались лишь потомки семьи Бричей и он, Юлиан Дич. Правда, был еще и род графов Крашей – когда-то за одного из них вышла замуж незаконнорожденная дочь какого-то из князей Дебричей, – но досконально изучивший историю рода Юлиан Дич вычеркнул всех Крашей из списка. Юлиану удалось увидеть дух последнего князя, но никак не переговорить с ним – в храме шла служба, и призрак, потревоженный его присутствием, лишь скользил по хорам бледной тенью, не задевая прихожан. Но все же казалось, будто он хочет что-то сообщить, и об этом Юлиан и думал, когда шагал к старому кладбищу.

С тех пор как тут перестали хоронить, кладбище понемногу дичало. В другом городе власти сделали бы из него городской парк, убрав лишнюю растительность и поставив вдоль дорожки скамейки. Но в Дебричеве уже имелся городской парк, и старое кладбище могло спокойно зарастать. Идеальное место для тайных свиданий!

Юлиан, как обычно, несколько минут постоял у калитки, сосредотачиваясь. Методика давалась ему нелегко – собственных сил, данных при рождении, было слишком мало, чтобы считаться хотя бы экзорцистом. Его таланты – и немалые – лежали в иной сфере, нежели общение с душами умерших. Он лишь мог чувствовать и чужа, смотреть и видеть, слушать и слышать – то, чего были лишены многие так называемые нормальные люди. И он не виноват, что слышать он мог не только скрытые мысли и эмоции живых людей, но и покойников. Смотреть на свежую могилу – и видеть неупокоенного духа, парящего подле. Чужа опасность – и чувствовать чужое присутствие. Его часто звали на консультацию в коллегия инквизиторов – если возникал спорный вопрос о принадлежности той или иной женщины к племени ведьм. Только ему, Юлиану Дичу, было достаточно одного пристального взгляда, чтобы отличить безобидную знахарку и целительницу от прислужницы темных сил. И он был одним из немногих, кто мог с одинаковым успехом прикасаться к предметам черной и белой магии. Несмотря на свою молодость – ему не было и двадцати четырех лет, – он считался одним из самых опытных и важных среди сотрудников Третьего отделения.

Официально – для местных чиновников – его привело в Дебричев совсем другое дело, так называемое следствие о Доме с привидениями. Он уже два дня потратил на сбор информации об этом доме, но не нашел никаких прямых улик, указывающих на его существова-

ние. Только слухи, байки и сплетни. И, пока все было тихо, он решил заняться личными, семейными, проблемами. Ибо род князей Дебричей, к которому принадлежал его прапрадед, угас не просто так. Он сгинул в результате проклятия, павшего на голову именно Мартина Дебрича. Если бы только удалось узнать, в чем виноват его дальний родственник, и попытаться как-то исправить причиненное им зло, можно было спасти то небольшое, что оставалось от династии, – память. А заодно и прервать цепь неудач, преследовавших последних потомков боковых ветвей рода. И – что греха таить! – улучшить и свое собственное положение.

Войти в транс удалось только со второй попытки – днем слишком много отвлекающих факторов. Достаточно мелочи, чтобы нарушилась концентрация. Например, этот пристальный взгляд.

Женщина. Молодая, не старше тридцати лет. Довольно красива – Юлиан, сам обладавший привлекательной внешностью, знал толк в женской красоте, – но какой-то нездешней красотой и со странным оттенком безысходности в лице. Уголки губ опущены, ровные брови страдальчески изломаны. Руки нервно теребят платок. Одета богато, но как-то несовременно. Такое впечатление, что она достала свое длинное платье из бабкиного сундука, где оно хранилось бог знает сколько лет. Надо признать, что оно ей очень идет – сидит как влитое, хотя лиловый цвет уже потускнел, а желтая отделка выцвела до молочно-белого оттенка.

– Сударыня, – убедившись, что именно взгляд незнакомки мешает сосредоточиться, промолвил Юлиан, – прошу меня извинить, но я вынужден просить вас удалиться. Или хотя бы отойти на несколько шагов. Мне крайне важно остаться в одиночестве.

Женщина что-то пробормотала, и юноша с удивлением заметил, что не понимает ни слова.

– Что?

Незнакомка повторила сказанное, и тут до него дошло, что она разговаривает на языке мертвых. Более того – чтобы увидеть ее, не нужно входить в транс!

– *Прошу... прощения.*

Когда ты не в транс, язык мертвых дается с великим трудом.

– *Все хорошо.* – У женщины был усталый голос. – *Я... это я должна просить прощения.*

– *Нет-нет! Сударыня, не стоит!* – Красивая женщина всегда остается красивой женщиной, даже если она умерла много лет назад. – *Не стоит извиняться! Просто, увидев вас, я ненадолго забыл про все на свете. Даже про дело, которое привело меня сюда!*

– *Я знаю,* – она опустила глаза, – *я за этим и пришла.*

Юлиан оглянулся по сторонам. Помнится, вчера с ним беседовал какой-то седовласый мужчина. Он приглашал прийти днем, когда – теперь было ясно – большинство призраков не может показаться людям на глаза. Нужна веская причина – и колдовская поддержка, если на то пошло, – чтобы призрак проявился среди бела дня. Но колдовства Юлиан не чувствовал – на территории старого кладбища и в его окрестностях сейчас никто не творил ворожбы.

– *Вы? Сударыня, вы можете мне что-то сообщить по поводу Мартина Дебрича?*

– *Да.* – Незнакомка судорожно вздрогнула и вдруг зарыдала, закрывая лицо руками. – *Мартин... Это мой сын!*

– *Что?*

Собственную мать Юлиан помнил плохо. Ему самому было всего пять лет, когда умирающая от голода и болезни женщина привела маленького мальчика к дверям церковного приюта. Ребенка отказались брать – от живой-то родительницы! – но мать тогда села на крыльцо вместе с ним, обняла ребенка – и больше уже не встала. Она умерла в ту же ночь, не выдержав резкого похолодания, но маленький мальчик не заметил ее ухода. Для него,

согревшегося в ее объятиях, мать была жива до той самой минуты, когда на следующее утро служители приюта обнаружили их на крыльце – мертвую женщину и живого ребенка, которого она обнимала заоченевшими руками. Именно с той ночи Юлиан научился видеть мертвецов и разговаривать с ними. Первым призраком, с которым ему довелось пообщаться, был призрак его матери, ласково улыбнувшейся сыну на прощанье. Именно от нее Юлиан услышал историю их рода и, несмотря на юный возраст, запомнил слово в слово. С тех пор у него сохранилось благоговейное отношение к матерям, которые встают из могил и презирают саму смерть ради своих детей.

– *Это мой сын! Меня зовут... в замужестве меня звали Мартой Дебрич, и Мартин – мой единственный сын! Мой бедный мальчик.* – Женщина с трудом успокоилась. – *Как я молилась за него! Как мучилась, когда узнала, что с ним случилось!*

– *Успокойтесь!* – Юлиан подошел. – *И расскажите мне все, что вы знаете!*

– *Я знаю только одно – Мартин не умер! Мне не повезло скончаться от горячки вскоре после его рождения, но я умолила высшие силы не отпускать меня за Грань и позволить как можно дольше оставаться рядом со своим мальчиком. Я была подле него почти постоянно, но не могла уберечь от уготованной ему участи. Были силы, с которыми мне не удалось совладать, и он погиб. Я не уберегла моего ребенка.* – Она закрыла лицо руками, судорожно всхлипнула, но быстро успокоилась. – *Его нет в живых, но нет и среди мертвых! Его тело не было положено в могилу. Его дух не успокоился ни на небесах, ни в бездне! Он исчез! Мой бедный мальчик! Он обречен на вечную муку.*

– *Он проклят,* – прозвучал новый голос. Тот самый седовласый мужчина проявился возле соседнего надгробия. – *Наш сын проклят. Мы, его родители, любим нашего сына даже сейчас, но пока с него не будет снято проклятие, ему нет места среди нас.*

– *А что за преступление он совершил?*

– *Я молилась! Я умоляла! Я готова была на все, чтобы остановить его, но он не внял подаваемым мною знакам или не хотел им внимать... Это было так на него похоже. Мой Мартин вырос таким порывистым, таким импульсивным, таким горячим и искренним в желаниях...*

– *Я понимаю,* – каждая мать готова говорить о своем ребенке бесконечно, а мать-призрак – тем более, но времени на то, чтобы выслушивать ее излияния, у Юлиана не было, – *но все-таки: что он сделал?*

– *Отдал Печать.*

Печать...

Полвека царствовала на Руси ляшская династия Мнишеков, и ничто не могло поколебать ее власти. А все потому, что испокон веков Мнишеки женились только на ведьмах. И, став властителями завоеванной страны, перво-наперво приблизили к себе и дали неограниченные права местным ведьмам. Но и на них нашлась управа. Звали их ведьмаками. Магия Мнишеков была повержена, и захватчиков удалось изгнать.

Более двадцати лет Русь восстанавливала разрушенное. А когда смогла перевести дух, выяснилось, что вскормленные Мнишеками ведьмы никуда не делись, что они живут и здравствуют, верша свои темные дела. Опасаясь, что рано или поздно ведьмы накопят такую силу, что опять захотят взять власть, царь Михаил Второй повелел создать Тайный Приказ специально для надзора за ведьмами.

Прошло время. Тайный Приказ был преобразован в Третье отделение, а работы все еще было непочатый край. Правда, удалось выяснить, что в глубокой тайне ведьмы ведут поиски таинственных Печатей, пропавших еще в те времена, когда в стране царствовали Мнишеки. Что это за Печати, зачем и кому они понадобились – известно не было.

Но какое отношение к этому имеет его предок Мартин Дебрич?

Анна бежала по тропинке, не оглядываясь. Посыпанная гравием дорожка давно закончилась, уступив место обычной утоптанной стежке, вьющейся среди кустарника и цветущего разнотравья. Свежо и пряно пахло травой, цветами, листвой, землей и почему-то пирогами. Тетушкин дом давно остался позади, но девочку это не пугало. Ноги сами несли ее вперед. Нагретая земля толкала пятки, обжигая сквозь туфельки, и было так удивительно легко и приятно подпрыгивать. Казалось, еще немного, и можно будет взлететь, оттолкнувшись носками.

Дорожка закончилась неожиданно – только что она ложилась под ноги, и вот уже кругом встает кустарник, и трава поднялась выше колена, а деревья смыкают кроны над головой.

Девочка испугалась. Она понятия не имела, где находится. В какой стороне тетин дом? Где люди? Куда она попала? Немного успокаивало ее только то, что сейчас был ясный день, до заката еще далеко, и на небе не было ни облачка.

– Бояться нечего, – сказала она сама себе. – Я заблудилась, но тетя Маргарита ведь сказала, что со мной ничего не случится! И не случилось! Я сейчас пойду и отыщу дорогу домой!

И Анна решительно двинулась напрямик, раздвигая руками ветки кустов.

И действительно – шагов через тридцать наткнулась на разрушенную временем ограду. Каменная кладка когда-то была высотой примерно по пояс ребенку, но обветшала, раскрошилась и теперь местами едва доставала до колена. Там, где камни уцелели, сохранилась идущая по верху железная решетка, но между ржавыми прутьями оставалось достаточно места, чтобы пролезть двенадцатилетней девочке. Путешественница так и сделала и, очутившись на той стороне, очень быстро наткнулась на низкую оградку.

Внутри буйно разрослись сорные травы, среди которых торчал серый камень с розовыми прожилками. Обойдя его, Анна заметила, что на камне выбиты источенные, раскрошившиеся буквы: «Конс... Вас... и супру... го... Манефа... С мир... упок...» И несколько цифр. Рядом, за соседней оградкой, виднелся точно такой же камень.

Старое кладбище! Анне одновременно стало страшно и интересно. Очутись она на кладбище ночью, девочка перепугалась бы до полусмерти. Но сейчас был день. И за нею присмотрят!

– Ча-ча-ча! – тут же послышался голос.

На дереве сидела сорока. Анна могла бы поклясться, что это та самая птица, которую она видела в доме у тети Маргариты.

– Ты присматриваешь за мной? – поинтересовалась девочка.

Сорока склонила голову набок, прислушиваясь к звукам ее голоса, и крикнула что-то на своем птичьем языке.

– Тогда передай тете Маргарите, что со мной ничего не случилось!

Сорока застрекотала – можно было подумать, что она засмеялась, – потом снялась с ветки и полетела куда-то вдаль. Решив, что птица указывает ей дорогу, Анна пошла следом, обходя старые могилы. Довольно скоро она нашла заросшую тропинку и ускорила шаги, но за первым же поворотом налетела на незнакомца.

Глубоко задумавшись, он шел навстречу девочке, и они увидели друг друга одновременно. Мужчина с темно-русыми вьющимися волосами, взрослый, но моложе ее папы. Анна уже начинала обращать внимание на мальчишек и подумала, что он довольно симпатичный. Приятное тонкое лицо, серо-голубые глаза... На незнакомце был мундир, похожий на мундиры городских или военных. Анна видела и тех и других, но совершенно не разбиралась в родах войск. Только у него не было оружия – совершенно никакого. В руках у него не было даже палки, и в то же время...

Девочка не могла понять, что такого странного в незнакомце. Она остановилась как вкопанная, тараща на него глаза.

Остановился и незнакомец, сверху вниз глядя на выскочившую из-за поворота девочку. Потом он открыл рот и...

То, что Анна услышала, повергло ее одновременно в ужас и недоумение. Она не поняла ни одного слова незнакомого языка, но от этих слов веяло чем-то потусторонним, зловещим и мертвым. Она попятилась, готовая убежать, и незнакомец нахмурился.

– Извини, – произнес он с явным усилием. – Я... забыл. Ты... живая?

– Ж-живая, – кивнула Анна. – А что?

– Тут кладбище. – Он повел рукой по сторонам. – Место для мертвых. Ты что тут делаешь?

– Гуляю, – ответила Анна. – А вы?

– Я тоже. Гулял-гулял и так задумался...

– Вы живой? – перебила девочка.

– Вот ты о чем! Конечно, я живой, – ответил он. – Не бойся меня. Но тебе не страшно тут одной?

– Нет, – решительно ответила девочка. – Со мной ничего не случится.

– Почему? Тут кладбище. Детям здесь не место!

– Мне лучше знать. За мной присматривают.

– Кто? – Мужчина оглянулся, но никого не было. И сорока улетела куда-то.

Подумав об этом, Анна попятилась.

– Ты убежала от своей няни? – Незнакомец улыбнулся. – Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Как тебя зовут?

– Анна. Анна Рита. – Она вздохнула. – Сильвяните.

– А меня зови господином Юлианом Дичем. – Он протянул руку для пожатия, как взрослой, но девочка отчего-то испугалась.

– Я не причиню тебе вреда, – повторил Юлиан. – Наоборот, я мог бы тебе помочь.

– Мне не нужна помощь, – воинственно заявила Анна.

– А мне кажется, что нужна. Я вижу, у тебя в душе боль. У тебя какое-то горе?

Девочка прикусила губу. К горлу подкатил комок, в глазах и носу защипало.

– Моя мама, – прошептала она. – И папа. Они... они оба умерли!

– Моя мама тоже умерла, – сказал Юлиан.

– И... тут ее могила? – Девочка посмотрела по сторонам, силясь угадать, где она.

– Нет. Она похоронена далеко отсюда.

– Моя тоже.

Образ той женщины, Марты Дебрич, встал у Юлиана перед глазами. Именно дух матери поведал ему о том, что все случившееся с их семьей – результат проклятия, наложенного когда-то на весь род князей Дебричей. И пусть его дед был незаконнорожденным и не мог носить полную фамилию – от «Дебрича» в метрике было записано только «Дич», – проклятие настигло и его. В чем оно состояло, мать не знала, и мальчик – а потом и юноша – всю сознательную жизнь пытался разгадать эту загадку и снять клеймо со своего рода. За восемнадцать лет, миновавшие с той ночи, когда умерла мать, он узнал, что проклятие как-то было связано с Мартином Дебричем. Долгое время он ничего не мог узнать про этого человека – только время и место рождения. Но ни одного факта биографии, ни даты смерти и места его последнего упокоения отыскать не удавалось. Беседа с призраками его родителей немного пролила свет на эту историю – Мартин Дебрич, явно обладавший какими-то скрытыми способностями, отдал кому-то какую-то Печать и тем самым навлек проклятие не только на себя, но и на весь свой род. Он исчез. Его тело не было предано земле, но его

дух не мог пропасть без следа. Если бы удалось отыскать его и узнать, о той ли самой Печати идет речь... Но как и где его искать?

Именно об этом Юлиан размышлял, бредя по кладбищу после разговора с матерью Мартина Дебрича, когда наткнулся на незнакомую девочку. И, все еще находясь во власти своих дум, машинально обратился к ней на языке мертвых.

– Ты по ней очень скучаешь?

– Да.

– И я по своей. Очень. Мне ее порой так не хватает.

– Мне тоже, – кивнула Анна. Глаза опять защипало.

– Ты где живешь? – Юлиан почувствовал ее состояние и поспешил сменить тему.

– У тети. – Девочка подняла на него глаза.

У нее был особенный взгляд, и Юлиану стало как-то не по себе. В шестнадцать лет он обратил на себя внимание Третьего отделения тем, что безошибочно указал на ведьму, которую они искали. И сейчас в глазах случайной знакомой разглядел знакомый огонек. «Совсем заработался, Юлиан! Ведьмы уже среди детей начали мерещиться! – подумал он про себя. – Даже если это и так, дар раньше тринадцати лет не просыпается, а этой малышке намного меньше. Сколько?»

– Сколько тебе лет?

– Двенадцать, – ответила Анна. – Недавно исполнилось. А... сколько вам?

– Двадцать четыре. Скоро будет. Твой дом далеко?

– Не знаю. Я приехала сюда недавно. Мои папа с мамой... ну... они умерли, и тетя забрала меня к себе. Только она мне не тетя на самом деле, а бабушка. Двоюродная бабушка, но хочет, чтобы я называла ее тетей.

– Ты заблудилась?

– Ага.

– Я могу помочь тебе и отвести домой. – Он протянул руку. – Скажи, как зовут твою тетю-бабушку, и мы...

Анна не успела открыть рот – над ее головой пронзительно застрекотала сорока. Птица появилась откуда-то неожиданно, пролетела над головами, трепеща крыльями, закричала. Приземлилась на ветку ближайшего дерева и принялась скакать там, оглашая воздух громким стрекотом.

– Она опять! – воскликнула девочка, притопнув ногой.

– Кто? – Юлиан прищурился, поглядев на птицу и увидев отнюдь не ее. Сорока тоже ощутила его силы и перелетела на ветку повыше, как будто там можно было спастись от чужих взоров.

– Сорока. Такая же, как та, которая была у нас во дворе. Наверное, тут ее гнездо?

У Юлиана в этом вопросе были сомнения. Настоящая ведьма прыгала по дереву и подавала сигнал тревоги. И он был тому причиной. Но кого она звала? Девочка явно еще не умела «слушать».

Он первым услышал на дорожке чужие шаги и, оглянувшись, заметил ту, кого призывала сорока. Еще одну ведьму. На сей раз в человеческом облике и потому более опасную в данный момент.

– Аннушка! Милая моя!

Девочка стремительно обернулась:

– Я тут!

– Живо ко мне!

– Почему, тетя Маргарита?

– Бегом! – закричала та.

Страх и гнев в ее голосе были вполне понятны Юлиану – ведьма увидела и узнала одного из «охотников», более опасного типа, чем инквизиторы, того, кто в народе носит короткое и емкое наименование «ведьмак».

Бросив опасливый взгляд на неподвижно стоявшего Юлиана, девочка сорвалась с места. Ведьма крепко схватила ребенка за руку и повела прочь. И та и другая несколько раз обернулись на смотревшего им вслед юношу. Тот словно оцепенел и вздрогнул, очнувшись, только когда на лоб шлепнулась холодная, мокрая, противно пахнущая капля – презрительный «привет» от сороки. Он молча вытер ее рукой, вдохнул запах. «Пошел вон! Тебе здесь не место!» – читалось в нем. Что ж, хорошо. Сейчас он уйдет.

...А городок-то не из тихих! Две ведьмы, причем не самые слабые. Действуют явно заодно и наверняка вместе растят эту девочку. А это значит, что в Дебричеве их целая семья. Это плохо. И ему надо быть очень и очень осторожным.

Анна почти бежала за тетей Маргаритой, которая шла так быстро, что прохожие невольно оборачивались им вслед – пожилые дамы не должны лететь сломя голову, не обращая внимания на окружающих, подобрав юбки едва ли не до колен.

До дома добрались быстро – он оказался на соседней улице – или же Анне так только почудилось. Только здесь, в двух шагах от особняка тетя Маргарита сбавила шаг и подошла к калитке спокойно и степенно, как и подобает почтенной вдове. Даже Анна как-то успокоилась – может быть, все обойдется?

Но едва они оказались на пороге, напускное спокойствие и важность слетели с пожилой дамы, как сорванная ветром шляпка. Захлопнув дверь, она накинулась на девочку:

– Ты что себе позволяешь? Как ты могла такое допустить?

– Но тетя, – сбитая с толку, залепетала Анна, – я ничего не делала...

– «Не делала!» – передразнила тетя. – Не успела сделать – это вернее! Тебя что, не учили, как это опасно – останавливаться и разговаривать с незнакомцами? Тебе что, в детстве родители не читали «Красную Шапочку»?

Анна помотала головой. Эту сказку мама ей рассказывала несколько раз. И маленькую девочку всегда пугал уготованный волку конец – распоротое брюхо, набитое горячими камнями. Она почему-то всегда в глубине души жалела именно его и осуждала только за глупый поступок. Если он действительно был голоден и три дня ничего не ел, ну попросил бы у Красной Шапочки пирожок. Неужели добрая девочка ему бы отказала? И все были бы живы и здоровы...

– Читали, но...

– Но ты думала, что волки – это только те, кто бегают в лесу на четырех лапах и воет на луну? Нет, милая моя, двуногие волки намного страшнее! Анна, запомни – многие вещи и явления не такие, какими кажутся на первый взгляд!

– Но ведь со мной ничего не случилось?

– Да, – кивнула тетя Маргарита, – потому что за тобой присматривали.

– Кто? Неужели...

Сорока? Какая-то птица выполняла роль сторожа? А почему бы и нет? Если учесть, что она появилась перед приходом тети, и вспомнить ее собственные слова о том, что вещи и предметы не такие, какими кажутся, все становится понятно.

– Сообразила наконец? – спросила та. Дождавшись кивка, промолвила: – А раз поняла это, пойми и то, что я просто не могу тебя не наказать. Отныне тебе запрещено покидать этот дом!

Анна с тревогой оглянулась на темную лестницу и мрачную переднюю.

– Всегда?

– Только если отправишься куда-то вместе со мной.

В этот момент где-то наверху громко хлопнула дверь.

Девочка вздрогнула. Хлопок повторился, и это не было случайным совпадением – дверь хлопала снова и снова. Причем, судя по разноголосому стуку и скрипу, к ней присоединились и другие двери. Пять или шесть одновременно. Последней была дверь на кухню. Она распахнулась и захлопнулась с такой силой, что на женщину и девочку пахнуло сквозняком. Анна взвизгнула и спряталась за тетю.

– Сердится! – с каким-то непонятным чувством досады и гордости промолвила та. – Протестует! Надо же... С чего это вдруг?

Ответом стал еще один хлопок двери – такой, что с потолка посыпалась труха.

– Что это? – вскрикнула Анна.

– Это, – тетя крепко схватила ее за руку, вытаскивая из-за юбки, – наш дом. Должна открыть тебе маленькую тайну – ты права, в этом доме действительно живет привидение.

– Настоящее?

Новый хлопок двери.

– К сожалению, да. И сейчас оно очень недовольно... Ладно, – повысила она голос, – ладно! Так и быть! Она будет гулять. Иногда и очень недолго! Ты доволен?

Послышался тихий вздох. Хлопки и стук прекратились как по волшебству.

– Вот так. – Тетя Маргарита погладила Анну по голове. – Но и ты должна меня понять, милая. Я очень за тебя испугалась. Ведь ты последняя в нашем роду. Кроме тебя, у меня никого нет, и я очень не хочу тебя потерять! Как ты уже потеряла маму и папу.

При упоминании о родителях на глаза Анны навернулись слезы. И зачем тетя Маргарита о них напомнила?

– Иди в свою комнату и посиди там, успокойся, отдохни, – гораздо мягче промолвила пожилая дама. – И спускайся к обеду. Будет ростбиф. Ты любишь ростбиф?

Анна послушно кивнула, поднимаясь по лестнице. Слезы застилали ей глаза, и она даже не заметила, что дверь в ее комнату распахнулась сама. На стене красовалась надпись, которой раньше здесь не было: «Привет!» Но девочка была так расстроена, так погружена в свои мысли и обиды, что не обратила на нее никакого внимания, и буквы одна за другой исчезли сами по себе.

Глава 4

Анна тихонько шла по тропинке, думая о том, как прошел сегодняшний день.

Лето давно уже кончилось. Несколько дней назад начались занятия в гимназии. Новенькую девочку заметили сразу – да и как тут не заметить, ведь среди детей новости иногда распространяются очень быстро. Появление новенькой просто не могло пройти незамеченным. Да еще и появилась она не в начале года, а несколько дней спустя.

Впервые переступив порог класса, Анна сразу оказалась в центре пристального внимания. Девочек в ее третьем классе было мало, всего полторы дюжины, и все они таращили на нее глаза. Классная дама, пожилая британка с некрасивым лицом и скорбно поджатыми губами, положила ей руку на плечо, выводя вперед.

– Это ваша новенькая подруга, – отчеканила она. – Ее зовут... Анна Сыл... Сил-фяни-тэ, – по слогам произнесла она ее необычную фамилию. – Она прибыла издалека. Очень издалека.

Полторы дюжины девочек смотрели на новенькую во все глаза. Одни – с любопытством, другие – с презрением, третьи – равнодушно. На передней парте, склонив голову набок, сидела красивая девочка, которая единственная лишь окинула новенькую быстрым взглядом с ног до головы и отвернулась, всем своим видом показывая, что ей скучно. «Королева класса» – сразу поняла Анна и решила держаться от нее подальше. В старой школе в их классе тоже была такая королева – не самая красивая, но дочь самых богатых родителей. У ее отца, помещика, было две фабрики да еще он сдавал своих крепостных в аренду соседям, так что деньги в семье водились немалые, и за богатство его дочке прощалось все – и некрасивая внешность и весьма средние знания. А если эта королева класса не только красива, но еще и богата, добра не жди.

– Выбирай себе место, садись, и начнем урок. – Классная дама слегка толкнула Анну в спину.

Свободные места в классе были только за двумя партами, и девочка, помедлив, остановила свой выбор на той, что стояла подальше от доски и от красавицы на первой парте. Ей очень не хотелось выделяться. Но все равно весь первый урок она замечала, что девочки время от времени оборачиваются в ее сторону. Классная дама, которая как раз и вела у них урок чистописания, то и дело окликала то одну, то другую ученицу, грозя занести их имена в журнал.

Девочки еле-еле дождались, когда прозвенит звонок. Анна не успела убрать в сумку тетрадь, как ее окружили со всех сторон.

– Привет. – Девочка, которая сидела к ней ближе всех, решила заговорить первой. – Слушай, как тебя зовут? Меня – Илалией. А ты – Анна? И фамилия у тебя такая... необычная.

– Сильвяните. Это от папы. – Испугавшись, что новая знакомая станет расспрашивать про родителей, Анна быстро добавила: – Только он умер.

– Вот как? А кем он был?

– Земс... – Анна осеклась, – чиновником.

– Ты не поняла. Он был чухонцем? Ты чухонка?

– О чем вы разговариваете? – послышался рядом новый голос.

Девочка оглянулась. Рядом стояла та самая красивая девочка их класса, окруженная свитой из своих подруг.

– Да так, ни о чем, – пробормотала Илалия, попятившись.

– Валерия Вышезванская, – произнесла она лениво. – Мой отец – генерал Авксентий Федосьевич Вышезванский, губернатор, назначенный сюда самим императором. Понятно?

– Понятно, – ответила Анна, исподтишка рассматривая новую знакомую.

И попробуй сказать, что она не симпатична – ведь Валерия считала, что ее родители оказали гимназии честь, отправив дочь учиться сюда, а не в столицу, где вот уже почти сорок лет в специальном заведении обучали наукам и искусствам девиц из благородных фамилий. Что правда, то правда – Валерия была очень хороша. Светлые волосы, голубые глаза с длинными ресницами, тонкий нос. У нее уже начала складываться девичья фигурка, и она старалась всячески подчеркнуть появляющуюся талию, туго-натуго перетягивая поясом школьное платье и надевая лишнюю нижнюю юбку. Все говорили, что она уже носит корсет, чтобы сформировать красивую фигуру. Злые языки доходили до того, что шептались, будто Валерия подкладывает в корсет тряпочки, чтобы сделать грудь побольше, но проверить, правда ли это, никто не мог. Как бы то ни было, стоявшая рядом Илалия была дочерью советника и никоим образом не могла сравниться с первой красавицей класса.

– Странная ты какая-то, – пожала плечами Валерия. – Надо познакомиться с тобой поближе!

– Знакомься, – разрешила Анна.

Но Валерия только фыркнула, как кошка, и отошла, вздернув нос. Вслед за нею потянулись остальные, оставив новенькую в недоумении – что она такого сказала?

Миновало несколько дней.

Гимназия для девочек была одной из немногих в провинции. Особняк, в котором она располагалась, принадлежал одной вдове, которая на свои средства организовала эту школу и до сих пор содержала ее на свои деньги. Здесь учили грамоте, письму, языкам, музыке, танцам, пению и гимнастике. В старших классах также читали лекции по истории, географии и основам медицины. Кроме того, девочкам преподавали домоводство, священную историю, Закон Божий и рисование. В дебричевской школе было много учениц – гораздо больше, чем в крошечной гимназии Реченска, где обучались около двух десятков девочек со всего города. В этой школе в семи классах учились около сотни гимназисток. Некоторые из них были помещичьими дочками и весь учебный год жили тут на полном пансионе, вдали от своих семей. Изначально гимназия и задумывалась как пансион для приезжих из деревень дворянских дочек, дабы те получали хоть какое образование. И лишь несколько лет назад в классы стали принимать и горожанок.

Засидевшись в просторных классах за партами, девочки после уроков высыпали на двор, спеша вырваться из-под присмотра классных дам. Одни сразу отправлялись по домам в обществе нянь и гувернанток, другие ждали, пока за ними приедут, и в ожидании затевали беготню и игры. В особняке оставались только пансионерки, которые после занятий отправлялись по своим комнатам, покидая их только для чинной вечерней прогулки. За кем-то из девочек на извозчике или собственных дрожках приезжали родители, кого-то провожали слуги, и только Анна должна была идти домой пешком. В полном одиночестве, если не считать провожавших ее животных.

Обычно животное ожидало ее во дворе возле старинного особняка, где и находилась женская гимназия для девочек. Вот и сегодня на росшем у ворот дереве весело скакала туда-сюда сорока. Заметив птицу, Анна направилась к выходу.

– Ты куда? – окликнула ее Илалия.

Ее отец в табели о рангах занимал один из самых низших чинов, был только чиновником двенадцатого ранга, и девочка ужасно этого стеснялась. Так получилось, что новенькая Анна сошлась с нею ближе, чем с остальными одноклассницами, многие из которых буквально смотрели в рот Валерии Вышезванской. И поэтому сейчас Анна задержалась на крыльце.

– Домой, – пожала плечами Анна.

– А где ты живешь?

– В Заречье.

Через городок, разделяя его на две неравные части, протекала речка Дебрянка. Заречьем – или Зареченской слободой – называлась меньшая часть городка.

– Далеко. За тобой кто зайдет?

– Никто. Я хожу одна.

– И не боишься? – У девочки загорелись глаза. – Это же так далеко!

– Ничего не далеко. Сначала до Соборной, потом свернуть на Садовую, с Садовой до Горшечной, потом напрямик до моста...

– Напрямик – это не мимо старого кладбища?

– Нет. Кладбище там рядом, но я хожу через рощу.

– Ой! – У девочки глаза стали еще больше. – Через рощу? Но там живет ведьма!

– Правда? – заинтересовалась Анна.

– Да! Самая настоящая! Ты что, не слышала? Ах да, ты же новенькая!.. Ты правда ничего не знаешь о ведьме?

– Правда-правда. А она какая?

– Страшная! Седая. Сгорбленная вся. Никто не знает, где ее дом, но рощу обходят стороной. Там, говорят, ночами такое творится, что просто ужас!

Сорока на дереве отчаянно застрекотала, скача с ветки на ветку и привлекая внимание. Анна отчего-то застеснялась птицы. Кроме того, тетя рассказывала ей про рощу совсем другое.

– Извини, мне пора, – пробормотала она Илалии и заторопилась к воротам.

Сорока как ни в чем не бывало сорвалась с места и перелетела на другую сторону улицы, там скрывшись в ветвях тополя. Анна пошла за птицей.

Илалия смотрела ей вслед.

Девочка шагала по улице, стараясь не обращать внимания на прохожих. Не часто встретишь маленькую девочку, куда-то идущую по своим делам в одиночестве. Как учила ее тетя, она не смотрела на людей, не обращала ни на кого внимания, и постепенно на нее тоже перестали смотреть. Анна просто шла. Миновав Соборную улицу, свернула на Садовую, потом – на Горшечную и, пройдя ее до конца, через огороды вышла к роще.

Потом надо было идти тропкой вдоль огородов до рощи и дальше напрямик. Это была короткая дорога. Длинная шла, минуя Садовую, на улицу Высокую. Оттуда на Торговую площадь, дальше на улицу Большую, с нее – к Малой Слободке, а там – на Кладбищенскую и до Заречья рукой подать. Чтобы проделать этот путь быстро, надо было нанимать извозчика. Или, как сейчас Анна, идти через рощу.

Рощу здесь называли Боярским лесом. Странное название. Вот если бы он был назван Волчьим – ясно, что тут водятся волки. Или Лисьим – тогда ясно, что тут много лисиц. Но на все расспросы тетя Маргарита отвечала уклончиво и лишь однажды рассказала, что когда-то, лет пятьсот тому назад, на месте рощи стоял большой дубовый лес. Владел им один боярин. Дом его стоял в самой чаще, а сам он и его дружина сторожили этот лес ото всех. Ни за грибами, ни за дровами, ни тем более за дичью не пускали они никого. Кто ни войдет в него – назад не воротится. В конце концов князю Дебричу, сидевшему в Дебричеве, это надоело. Он собрал дружину и пошел на строптивного боярина войной. Что там случилось в лесной чаще – только мертвым и ведомо. Сотню ратников привел с собой князь Дебрич – и ни один назад не воротился. А его сын издал указ, чтобы никто никогда не входил в Боярский лес – было, дескать, ему видение от покойного родителя, чтобы не трогали это место и обходили стороной. Даже стеной хотели лес обнести, да татарское разорение помешало довести дело до конца.

Миновало несколько столетий. Забылось имя того боярина. Восстанавливая Дебричев после татарского пожара, вырубili часть заповедного леса. Теперь от него осталась только роща, но в самом сердце ее до сих пор, как говорила тетя Маргарита, таится нечто, о чем ее внучатой племяннице пока знать рано.

Тропинка вилась между деревьев, огибая толстые стволы и заросли кустарника. Анна шагала по ней спокойно, хотя не так уж часто пользовалась этой дорогой в одиночестве. Тетя Маргарита только один раз провела ее мимо рощи, показывая, куда племяннице ни в коем случае не стоит сворачивать. Потом отговорила срочными делами, и девочка начала ходить одна. Боясь запутаться и заблудиться, она ни на шаг не сходила с тропы, не переставая мечтать. Ей порой представлялось, как она сворачивает с прямого пути и пробирается через чащу, перелезает через коряги, раздвигает руками колючие кусты и перепрыгивает через ручейки. Где-то в чаще леса таились поляны, где было полным-полно спелых ягод – в мечтах девочка всегда спешила именно к ним. А вот интересно, если сейчас свернуть с тропинки вон на ту узенькую стежку, можно выйти к зарослям ежевики на склоне оврага? Она так часто думала о Боярском лесу, что однажды ей приснился этот овраг. Она рвала ежевику, как вдруг услышала треск и топот. Овернулась – и оцепенела, потому что к оврагу вышел огромный медведь. Он был намного больше, чем те, в книжках с картинками – наверное, в два человеческих роста. Темно-бурый, с пятном на груди. Медведь встал на задние лапы и что-то проревел человеческим голосом. Что – Анна не помнила. Она проснулась.

Нет, пожалуй, не стоит туда идти наяву. А вдруг встретишь настоящего медведя? Не во сне?

И только девочка так подумала, как впереди за кустами мелькнуло что-то красно-синее.

Анна остановилась. Огибая кусты – не продираясь сквозь них, как зверь, а словно скользя сквозь ветки, – навстречу ей вышла незнакомая женщина. Красная, в черную и зеленую клетку юбка в складку, кофта, большой синий платок, завязанный на груди крест-накрест. На сгибе локтя женщина несла большую корзину, где были сложены травы. На вид незнакомка была лишь немного старше ее мамы, кругленькая, крепко сбитая, со вздернутым носом и веселыми веснушками на щеках.

– Ой, – протянула она, – а ты кто такая?

– А-Анна, – девочка попятилась, пряча сумку с книжками за спину. – Я... домой иду.

– Домо-ой? – Женщина рассмеялась. – Разве в лесу твой дом?

– Нет. В Заречье. Я короткой дорогой иду, мимо рощи. Мне совсем чуть-чуть осталось... – Она махнула рукой, указывая направление. – В ту сторону.

– Да знаю я, – отмахнулась незнакомка. – В Заречье, стало быть, живешь? А у кого?

– У тети.

– У старой княгини Маргариты Дебрич?

– А вы откуда знаете?

– А я, милая, про всех все знаю, – улыбнулась женщина. – Я ведьма.

– Ведьма? – вытаращилась Анна. Илалия описывала ее совсем по-другому.

– А ты не веришь? – Женщина рассмеялась. – И правильно делаешь! Мне бы кто сказал такое, я б тоже не поверила!

Анна оглянулась по сторонам. Ей почему-то захотелось, чтобы на тропинке оказался кто-нибудь еще. Любогй прохожий, который тоже решил пройти через Боярский лес.

– Высматриваешь, что ли, кого? – догадалась ведьма. – Не ищи. Не ходит тут никто. Меня бояться.

– Вас?

– Конечно! Люди всегда ведьм бояться. Ты вот, например, боишься?

Сейчас, среди бела дня, когда она стояла в двух шагах и тихо улыбалась, ведьма – или кто она есть – казалась совсем не страшной. И девочка помотала головой.

– Ну и славно! Ты хорошая девочка. Добрая. Мама с папой тебя любили.

Анна прикусила губу. Про родителей она старалась не вспоминать – слишком больно было думать, что больше она никогда их не увидит. Даже их могилы находились в другом городе, куда ехать надо было весь день.

– Не плачь, – сказала ведьма. – Это горе большое, но помочь ему я сумею. Если и ты поможешь мне.

Почему-то Анну эти слова заставили насторожиться.

– Помочь вам?

– Травки собрать. – Женщина указала на корзину. – Пойдешь со мной?

– Я не умею. Я не знаю, какие нужны. И тетя волноваться будет!

– Я тебя всему научу, Анна. А о тете не беспокойся. Не станет она тебя ругать. С тобой ведь ничего не случится!

И девочка ей поверила.

– Меня можешь звать сестрой Кларой, – представилась ведьма и сошла с тропинки, наклоняясь над невысокими кустиками. – Вот, смотри. Это – мята. Запомнила? Помогай мне. Отложи свою сумку и осторожно собирай. Смотри, не повреди корешки!

Анна послушно поставила сумку под куст и начала собирать в букет пахучие стебли, старательно вырывая их с корнем. Ведьма Клара стояла над нею и внимательно наблюдала.

– Знаешь, для чего мята нужна? – внезапно спросила она.

– Да. – Девочка растерла в пальцах лист. – Ее кладут в чай. Чтоб пахло вкусно.

– А если не в чай заварить, а в салат покрошить, то это помогает скрывать свои мысли. Нарезешь мелко листву с другими приправами, к блюду добавишь – и никто, ни одна живая душа не угадает, что у тебя на уме! А коли на мяте наливку настаивать, то сколько той наливки ни выпей, ни о чем не проболтаешься.

– Я наливку не пью, – покачала головой Анна. – Я девочка. Девочкам нельзя!

– Детям и впрямь нельзя, а если кто из взрослых боится, что с пьяных глаз сболтнет что лишнее, так эту наливочку возьмет, чарку опрокинет – и язык у него как узлом завяжется... А вот это знаешь, что такое? – Она пошарила в корзинке, вытащила и протянула девочке жилистый стебель, на котором тесно сидели сиренево-голубые махровые цветы.

– Знаю, – кивнула Анна. – Это цикорий.

– Правильно, милая! А он для чего?

– Ну... из него напиток делают. Как кофий.

– Угадала, – рассмеялась сестра Клара звонко, как девочка. – И напиток сей внушает человеку, что все у него хорошо. Если тебе плохо, больно, трудно, с утра пораньше глотни напитка из цветов и листьев цикория – и все беды покажутся не такими уж тяжкими. А если еще и лаванду добавить – вовсе хоть в пляс пускайся!

– Правда?

– Правда-правда, – закивала ведьма. – Каждая травка свою силу имеет. И про все мне ведомо. Из каких лучше настойки делать, какие в приправах использовать, какие сжечь, чтоб дом окурить от злых чар, а какие в хлеб добавлять.

– В хлеб?

– В хлеб. Хочешь булочек с иссопом, укропом и черемичей? Я как раз сегодня новые напекла.

И едва она это сказала, Анна почувствовала, что ужасно хочет есть. Но идти неизвестно куда, к незнакомой женщине...

– Да не бойся. Ничего с тобой не случится! Корзину можешь отнести. По дороге еще травок насобираем. А там молока козьего налью и все-все про тебя расскажу.

– Так уж и все? – не поверила девочка.

– Так уж и все, – подтвердила ведьма. – Вот я знаю, что перед уходом из гимназии ты на крыльце с какой-то девочкой разговаривала. Хорошая она девочка. Слабая, но хорошая.

– Почему слабая?

– Потому что робкая. Робкие все слабы. Вот ты сильная, в тебе робости нет. Ты далеко пойдешь и многого достигнешь!

Пораженная, Анна не знала, что сказать, и последовала за женщиной как на привязи.

Они сошли с тропы и побрели прямо через лес. Ведьма скользила тихо, кусты и деревья, казалось, сами расступались перед нею. Хотя она говорила, что Анна должна ей помогать, но не дала девочке даже подержаться за ручку корзины.

– Вон там – фиалки растут, – говорила она. – Сейчас они уже отцвели, собирать их поздно, потому как цветов мало, да и силы в них, в поздних, нет совсем. Но если их засахарить и украсить пироги, то тот, кто эти пироги съест, целый день счастлив будет... На той полянке я герань и дягиль брала. Они в трудном разговоре на нужный лад настраивают. А цветы сирени лучше в вино добавлять, и совсем понемногу.

– Почему?

– С их помощью можно любого человека своей воле подчинить и сил лишить. Если еще белладонну добавить и немного тех же фиалок, тот, кто такого вина изопьет... Ой, ну тебе еще рано это знать! У меня такую настойку как приворотное зелье часто покупают. Но привораживать человека надо осторожно – тот, кого приворожили, без той настойки долго не протянет. До конца своих дней должен будет ее пить – или однажды чары спадут и вместо любви родится ненависть.

У Анны от этих подробностей голова шла кругом. А сестра Клара все называла и называла новые травы и цветы. О каждом растении в лесу она могла рассказать что-то особенное. «Дудник», «девясил», «шалфей», «пижма», «зверобой» – так и сыпались названия.

– Мне этого никогда не запомнить! – не выдержала девочка.

Ведьма рассмеялась. У нее был удивительный смех – звонкий, молодой, как у девушки, хотя на самом деле она была старше матери Анны.

– Запомнишь! – отсмеявшись, промолвила она. – Я тебя всему научу.

– Вы? – взвизгнула девочка. – Меня? Научите быть ведьмой? Но...

– А что? – Остановившись, женщина пристально посмотрела на нее. – Испугалась? Да шучу я, шучу! Какая я ведьма! Травница просто. А ты уж и поверила? Травы я собираю, в пекарские, лекарские да прочие лавки продаю. А то и сама на рынок хожу – вербену, ландыши да жимолость с тюльпанами продаю. Тем и живу. А ты что подумала? Что заставлю на метле летать? Ты на меня посмотри! Такую толстуху ни одна метла не выдержит!

Ведьма действительно не походила на тех злых волшебниц из детских книжек – веселая, толстенькая, в яркой одежде. И почему Илалия ее так боится? Наверное, потому, что никогда не видела! Вот будет интересно, когда завтра Анна ей все...

– Помалкивай!

– Что? – вздрогнула Анна. – Но я ничего не сказала!

– Про знакомство наше помалкивай, – строго сказала ведьма. – Чтоб ни одна живая душа не знала про то, где ты бываешь!

– А почему?

– Сама подумай. – Ведьма остановилась, переложив корзину с руки на руку, потом наклонилась, сорвала какой-то стебелек и сунула к остальным. – Что подумают люди, если узнают, что ты гуляешь в Боярском лесу? Это же место заколдованное!

– Правда? – испугалась Анна, озираясь по сторонам. Лес, еще недавно такой спокойный, такой обычный, как запущенный городской парк, внезапно показался ей самым злоеющим местом на земле. Вон деревья как-то странно шевелят ветками... вон коряга странной формы торчит... а вот... что это там поблескивает?

– Кривда, – рассмеялась ведьма, и смех ее на сей раз был недобрым. – Это же заколдованное место! Никогда не слышала?

– Мне тетя Маргарита рассказывала, – вспомнила девочка. – Про боярина, который, ну, с которым князь Дебрич сражался... Это правда?

– Конечно нет! Никто ни с кем не сражался. В чудовище тот боярин обратился. Заколдовала его одна... нет, не ведьма, а кое-кто посильнее. Никакими силами нельзя было снять это колдовство... – Помолчав, ведьма снова зашагала вперед. – Вот в сказках что говорится? – продолжала она на ходу. – Наложил на бедную девушку чары злая ведьма... Тьфу, противно! Вечно ведьм плохими выставляют... В общем, наложили на кого-либо чары, но с условием – пока, дескать, не поцелует того, кто заколдован, прекрасная дева или влюбленный юноша. Так?

Анна кивнула.

– Ну вот. А тут никаких условий не было. Просто обратился боярин в чудовище, а почему, зачем? Неизвестно. Вот и ушел от людей. Забился тут в чашу. Слуги какое-то время его охраняли, а потом кто умер, кто сбежал, кого он сам сожрал... Никого не осталось. Так чудовище и померло в одиночестве!

Анна вздохнула. Ей представился медведь из ее снов – усталый, голодный, больной и очень несчастный. Что он там ревел? Может, о помощи просил?

– Аль пожалела? – догадалась ведьма. – Не жалею! Он получил то, что заслужил.

– Правда?

– Истинная! Случайностей не бывает. Если кто-то понес наказание, значит, было за что наказывать. И если я не знаю, за какие грехи того боярина обратили в медведя безо всяких условий, это еще не означает, что он – невинная жертва!

Маленький домик показался неожиданно. Он стоял между толстенных деревьев на краю небольшой поляны, огороженной местами покосившимся частоколом. За оградой показался огород, где на грядках росли вовсе не овощи, а различные травы. Многие уже отцвели – к земле никли вялые стебли. Другие еще упрямо зеленели.

– Тут лекарственные травы для аптекаря выращиваю, – пояснила сестра Клара. – За иными ходить больно далеко. Все ноги истопчешь. Вот и высаживаю то, что чаще всего у меня покупают. Еще липовый цвет беру. – Она указала на толстые деревья. – На нем настои от простуды хорошо делать. Тем и живу. Ты проходи, не стой!

Миновав небольшие сенцы, Анна переступила порог маленького домика, остановилась у самой двери, глядя, как проворно снует по единственной комнатке хозяйка. Ей еще ни разу не приходилось бывать в таких домиках, и она смотрела во все глаза.

Домик был невелик. Почти квадратная комнатка загромождена мебелью и домашней утварью. Четверть дома занимала печка, дальний угол отгораживала занавеска. Наверное, там стояла кровать – больше ей просто негде было быть. У самого входа рядом с небольшим окошком стоял самодельный, грубо сколоченный стол, заставленный деревянной и глиняной посудой. Пустые кружки, кувшины, миски теснились вперемешку с полными, прикрытыми тряпицами. Вдоль стен были составлены лавки, заваленные всякой всячиной – одежда, какой-то хлам, разный хозяйственный инвентарь. Под потолком на веревочках рядами висели пучки трав. От терпкого пряного запаха травы и сена слегка кружилась голова. Беспорядок в доме был такой, что оставалось лишь дивиться, как сама хозяйка в состоянии понять, где что находится.

Пока Анна осматривалась, ведьма проворно вывалила травы из корзинки на расстеленную прямо на полу скатерть и рядом, начиная их перебирать.

– Чего встала, Анночка? – ласково окликнула она девочку. – Пойди сюда. Помогай травы перебирать. Одна к одной, по пучкам. Соберешь пучок – ниткой перетяни, – ведьма показала клубок, – и мне давай.

Девочка поставила сумку на лавку и несмело приблизилась. Ловкие пухлые пальцы ведьмы копались в ворохе свежих растений, с удивительным проворством выкапывая стебли. Пока Анна собирала один пучок, ее напарница успевала сделать три.

– Это сейчас травок мало совсем, – не переставала она говорить. – Весь день по лесу бродишь-бродишь, одну корзину и насобираешь. А летом, да когда места знаешь – и по три и по четыре корзины за день наберешь. Спина болит – не разогнуться. Зато людям помогаю. Травки от всяких недугов спасают. И в пищу полезно. Еще я грибы собираю, ягоды разные. Сегодня вот поутру за последними подберезовиками ходила да белых грибов немного нашла. Супчика грибного не охота ли?

Анна никогда не ела грибной суп. Ни у мамы, ни у тети такого кушанья не жаловали. Она заколебалась, а ведьма уже проворно подхватила и, пошуровав в печи (никогда не видевшая ничего подобного девочка смотрела во все глаза), – вытащила большой чугунный горшок. Налила две миски, локтем сдвинула с заваленного стола часть утвари, уронив при этом пару кружек и деревянное блюдо. Достала две деревянные ложки, протянула круглую, как мячик, твердую булочку с зелеными вкраплениями.

– Это они подсохли малость, – пояснила хозяйка дома. – Их теплыми есть надо. А зеленое – это укроп, иссоп и черемица. Сама пекла.

Анна осторожно попробовала и то и другое.

– Ты ешь, ешь. – Сама ведьма не особенно торопилась приниматься за угощение. – Тебе надо! Для тебя сготовлено!

Булочки были сухими и пресными, но с супом и молоком Анна сама не заметила, как съела три штуки. Ведьма положила ей еще одну про запас в сумку с книгами.

– Тебе пора, – сказала она. – А то задержишься, поможешь мне с травами закончить?

Она указала на разложенные по лавкам и полу травы. Их было целое море. Девочка испуганно помотала головой.

– Ну нет – значит, нет! – кивнула ведьма. – Тогда домой беги! Я тебя выведу на тропинку!

Она отворила дверь, пропуская девочку за порог.

Обратный путь показался длиннее. Или усталая Анна еле шла. Расставшись с ведьмой, она первое время то и дело оборачивалась и видела пухленькую женщину в клетчатой юбке, которая махала ей рукой вслед. Но потом тропинка вильнула, обходя куст, и ведьма куда-то пропала.

Только сейчас девочка забеспокоилась. Тени удлинлись, день клонился к вечеру, а она все где-то бродит. Тетя будет волноваться! Она прибавила шагу, а потом побежала, прижимая к себе сумку с книгами. Ох, только бы тетя ее не ругала!

Выбежав на знакомую дорожку, она помчалась сломя голову. Спотыкаясь, еле дыша, чувствуя, как сердце бешено колотится в ребра, чтобы выскочить из груди, девочка влетела в дом, всем телом ударившись в дверь.

– Тетя Маргарита, я...

Тишина.

Разогнавшись в передней и взлетев на середину лестницы, Анна запоздало сообразила, что единственный звук, который раздается, – это ее шаги.

– Тетя Маргарита?

Нет ответа.

– Тетя! – крикнула она погромче. – Вы где? Это я, Анна! Я вернулась!

Она поднялась по лестнице на второй этаж, прошла по коридору, открыла наугад несколько дверей. Никого. Пусто. Только ее шаги и...

Вздых.

Девочка обернулась так стремительно, что чуть не упала и схватилась за стену. Сзади никого не было. История о привидении всплыла в ее памяти.

– Кто тут? – пролепетала она.

Новый вздох, в котором на сей раз звучала тоска.

– Я т-тебя не боюсь, – сказала девочка. – Я... просто тетя ушла куда-то. Но ведь она вернется! Я знаю! Она вернется! Она, наверное, ушла меня искать!

Собственный голос придал ей смелости.

– Ну да, – кивнула Анна, стараясь говорить как можно громче, – она просто меня ищет. Вот я глупая! Сама же виновата! Задержалась допоздна. Уже почти семь часов! – Она покосилась на большие напольные часы. – Я должна была вернуться не позже четырех. Она здорово рассердится... Но я подожду ее на крыльце. Пусть она с порога увидит, что я дома, и поменьше волнуется!

Уговаривая себя таким образом, Анна оставила сумку с книжками в своей комнате и выбралась из дома. Девочка не решилась признаваться, что ей страшно оставаться одной наедине с призраком, который стонет и вздыхает. Пусть уже начало осени и вечерами бывает прохладно, но на крыльце спокойнее, чем внутри. И тетя не могла задержаться надолго. Она же знает, что с внучатой племянницей ничего не случится!

Присев на верхнюю ступеньку крыльца, девочка стала смотреть через двор на улицу. Тихая окраинная улица. По ней редко кто ходит. Она увидит тетю издалека. Устроившись поудобнее, девочка надкусила последнюю булочку, которую получила от ведьмы в роще.

Что-то упало на траву и подкатилось к лестнице. Анна вытянула шею. У нижней ступеньки лежала маленькая груша-дичок. Откуда она здесь? Пока девочка терялась в догадках, рядом с первой упала вторая, и на сей раз можно было проследить, откуда – груши падали с того уродливого полусухого дерева, что росло возле самого дома. Но до него от крыльца было не меньше пяти аршин. Оно что, нарочно кидается дичками? Так же не бывает!

Упал третий дичок. Чуть в стороне от двух первых. За ним – четвертый. Этот оказался поближе к дереву, словно прокладывая дорожку.

– Заманиваешь? – догадалась Анна. – Зачем? Не пойду!

Ей вдруг стало жутко – в ответ на ее слова дерево само покачало ветвями. Еще одна груша упала на землю.

– Ты волшебное?

Ветки опять зашевелились. Сухие сучья натужно закрипели – как старые кости. Один сук несколько раз стукнул в кухонное окно. Стук был странным – сначала три удара быстро, один за другим, а потом еще два, после паузы.

– Я не понимаю, – Анна попятилась. – И... ты не пугай меня! Я тебя не боюсь!

Размахнувшись, она швырнула булочкой в дерево и тихо ахнула, когда кусок накололся на острый сучок.

– Ты... ты плохое!

Развернувшись, девочка вбежала в дом, захлопнула дверь, налегая плечом, словно дерево могло проникнуть внутрь. За спиной что-то скрипнуло, и дрожь пронзила ее с ног до головы. Анна запоздало сообразила, что оказалась между двух огней – снаружи странное дерево, внутри – привидение. И рядом нет тети, которая может ее защитить!

На лестнице послышался вздох. Девочка взвизгнула, зажмурившись. Ей почему-то представилось, как сейчас из темного угла ей навстречу шагнет нечто...

– Нет! Тетя! Тетя Маргарита...

Как ни странно, имя подействовало. Анна вспомнила, как тетушка однажды сказала ей: «Я просто говорю своему страху...»

– Пошел вон! – крикнула она, не открывая глаз. – Слышишь? Пошел вон! Не смей меня пугать!

В ответ раздался тихий стон, но перепуганная девочка не могла понять, чего в нем больше – досады, разочарования или грусти. Долетел порыв ветра. Пахнуло землей, травой и почему-то свежей краской. Подчиняясь какому-то наитию, Анна распахнула дверь.

Было еще достаточно светло, в начале осени темнеет не настолько рано. Сад притих, и даже то уродливое дерево застыло, растопырив кривые ветки. Сухие сучья выглядели просто ужасно. И почему тетя не прикажет его спилить? Может, у нее нет денег, чтобы заплатить дровосекам? А если попросить соседей?

Девочка переступила высокий широкий порожек, и дерево качнулось ей навстречу как разумное существо.

– Ты мне не нравишься, – заявила Анна и села на порог. – Я бы тебя срубила... Ох, только бы скорее пришла тетя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.